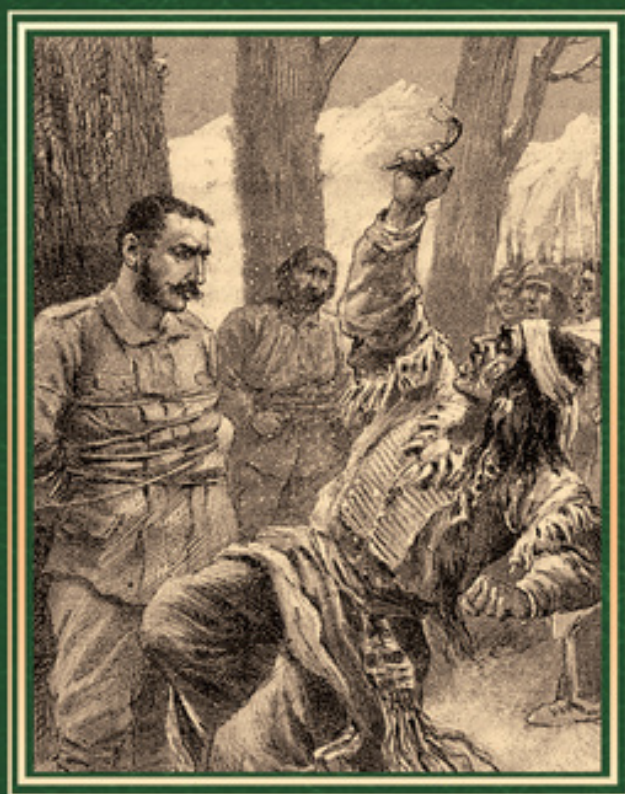

Луи Буссенар

Адское ущелье

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Луи Буссенар

**Адское ущелье. Канадские
охотники (сборник)**

«ВЕЧЕ»

1891, 1892

Буссенар Л. А.

Адское ущелье. Канадские охотники (сборник) /
Л. А. Буссенар — «ВЕЧЕ», 1891, 1892 — (Мастера
приключений)

1885 год, Северная Америка. Хелл-Гэп («Адское ущелье»), подходящее местечко для тех, кто хотел бы залечь на дно, скрываясь от правосудия, переживает «тяжелые времена». С тех пор как на близлежащей территории нашли золото, в этот неприметный городок хлынул поток старателей, а с ними пришел и закон. Чтобы навести порядок, шериф и его помощники готовы действовать жестко и решительно. Телеграфный столб и петля на шею – метод, конечно, впечатляющий, но старожилы Хелл-Гэпа – люди не робкого десятка. В очередной том Луи Буссенара входит диалогия с элементами вестерна – «Адское ущелье» и «Канадские охотники». На страницах этих романов, рассказывающих о северной природе и нравах Америки, читателя ждет новая встреча с одним из героев книги «Из Парижа в Бразилию по суше».

Содержание

Адское ущелье	7
Пролог	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	22
Часть первая	27
Глава 1	27
Глава 2	32
Глава 3	38
Глава 4	43
Глава 5	49
Глава 6	54
Глава 7	61
Глава 8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Луи Буссенар
Адское ущелье. Канадские
охотники (сборник)

© Москвин А.Г., перевод на русский язык, 2017

© Балашова Т.В., перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Адское ущелье

LE DÉFILÉ D'ENFER

PAR LOUIS BOUSSENARD

Пролог Восстание Буа-Брюле¹

Глава 1

Послышался звонкий голос рожка.

«Открыть огонь!»

И сразу же обсаженная деревьями дорога, ведущая в деревню с забаррикадированной главной улицей, подернулась белым облаком дыма, из которого подобно молниям вылетали длинные языки пламени. Раскат грома, сопровождавший пушечные разрывы, потряс кроны деревьев; их листья задрожали, словно под злобным порывом шквального ветра.

А в пяти сотнях метров от орудий огненный ураган обрушился на баррикаду, сжигая деревянные балки и раскалывая на мелкие куски камни. Несколько человек были серьезно ранены.

– А скажи-ка, Луи, – с непередаваемым акцентом, свойственным жителям области Бос², заговорил совершенно седой старик гигантского роста, – похоже, сегодня нам воздадут артиллерийские почести. Черт возьми!.. Да они стараются изо всех сил... Ради дикарей!

– Опасные почести, милейший Батист, – ободряюще ответил мужчина лет сорока, с энергичным и симпатичным лицом, обрамленным густыми бакенбардами, – а у нас есть только ружья.

– Сойдут и они... С таким командиром, как ты, да с такими парнями, как мы, можно идти хоть к дьяволу в гости и даже дальше! Тебя ведь зовут Луи Риэль³, а нас – Буа-Брюле...

Обрывая слова Батиста, последовал новый залп; баррикада содрогнулась до самого основания; трое ее защитников, пораженные снарядами, замертво рухнули наземь.

– Ты держись здесь, – отрывисто скомандовал Луи Риэль, – а я заберусь на колокольню, чтобы наблюдать за атакой.

– Ну, ты знаешь... береги себя, как только сможешь, и постарайся не высываться, как это сделал вчера. Это просто чудо, что ты оттуда вернулся.

– Пока, Батист!.. Жму руку... Ты командуешь в самом опасном месте... Отвечаешь за всё...

– Буду держаться, даю слово!

С величайшим спокойствием герой борьбы за независимость франко-канадских метисов пересек улицу, где летали снаряды и сыпались их осколки, и направился к церкви, защищенной с одной стороны зубчатой стеной кладбища.

Пушки вражеской батареи стреляли по очереди, но непрерывно, поэтому снаряды падали без передышки в одну и ту же точку.

¹ Буа-Брюле (*фр.* Опаленные деревья) – так франко-канадцы презрительно называли метисов северо-западных территорий, произошедших от смешения франкоязычных охотников и военных с индейскими женщинами (чаще всего – из племенной группы кри). Название это связано с темным цветом кожи метисов, особой этнической группы в Канаде, отличавшейся как от белых, так и от индейцев. В середине XIX в. презрительную кличку заменило нейтральное слово «метис», что отнюдь не изменило отношения к смешанной расе как к людям низкого социального статуса. Во 2-й половине XX в. канадское общество стало воспринимать метисов как равных. В наши дни метисами считают себя 300 – 700 тысяч канадцев; большинство их проживает на западе страны. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.*

² Бос – историческая область центрального региона Франции, расположенная к юго-западу от Парижа.

³ Риэль, Луи (1844–1885) – один из главных политических деятелей Канады; основал провинцию Манитоба, был самым известным среди лидеров канадских метисов. Риэль возглавил борьбу метисов с англичанами, пришедшими во второй половине XIX в. на северо-западные земли Канады.

За баррикадой, медленно разрушавшейся при каждом залпе, собралось человек сто – всё мужчины с бронзовыми лицами, нервная напряженность которых и сверкающие глаза опровергали показную невозмутимость. Одеты они были почти однообразно: в охотничьи блузы и штаны из оленьей шкуры, дубленой по индейскому способу. Большинство мужчин сжимали в руках автоматические карабины Винчестера, ставшие страшным оружием в умелых руках этих суровых обитателей северо-западных территорий.

На этих одеяниях, столь удобных для их полной приключений жизни, не было видно каких-либо воинских знаков отличия: ни плюмажей, ни эполет, ни свидетельств о звании – ничего! Каждый из этих ополченцев был солдатом, имея при себе револьвер, топор и карабин. Вождей все знали в лицо, знали, чего они стоят, и подчинялись им с энтузиазмом. Но подобная пассивность плохо уживалась с их пылом. Их дух подвергался тяжелому испытанию, когда тело получало удары, на которые нельзя было ответить.

В такой момент один из них воскликнул, обращаясь к командиру:

– Ну же, папаша Батист, неужели ты позволишь раздавить нас, как гусениц!.. Пушки этих безбожных англичан стоят всего в шестистах метрах... Можно бы кое-что сделать, чтобы заставить их замолчать.

– Можно бы! Только вот нет желающих расправиться с этими дьявольскими стрелками. Надо ведь забраться либо на крыши домов, либо на баррикаду... А там наверху будет чертовски жарко.

Полсотни метисов выступили на площадку, на которую со всех сторон сыпались осколки.

– Минутку! – невозмутимо произнес Батист. – Большинство из вас – отцы семейств... Таких надо оставить про запас... Нужна молодежь... Всего шесть молодцов... по одному на орудие... Этого хватит.

– Сначала я выберу своих мальчиков, потому что верю в их меткий глаз.

– Эй!.. Жан!.. Жак!.. Франсуа!..

Трое молодых красавцев, почти еще дети, но сложенные атлетами, как и их отец, вышли из группы и ответили по-военному:

– Мы здесь!

Франсуа было не больше шестнадцати лет, Жаку – около семнадцати, а Жан едва достиг восемнадцати.

– Вы знаете, что делать. Не так ли?

– Каждый возьмет своего товарища; вы заберетесь на крыши и перебьете этих чертовых пушкарей.

– Идите, ребята мои, время торопит!

При этих скупых словах, в которых заключена была огромная нежность старика, возможно, жертвовавшего своими детьми ради общих интересов, молодые люди бросились вперед, издавая один из тех диких криков, которыми пользовался их индейский предок, выходя на тропу войны.

Увы! Катастрофа, столь же внезапная, сколь и непредвиденная, сделала бесполезной их самоотверженность и серьезно осложнила оборону деревни. Едва юноши чудом достигли живыми и здоровыми верхушки баррикады, как та поднялась, словно подброшенная кем-то снизу, качнулась и изогнулась под силой неотразимого взрыва мины, а потом рухнула, увлекая за собой мальчишек.

– Измена! – закричал старый Батист, различая за облаком пыли, поднятым чудовищным взрывом, как бедные юноши взлетели в воздух и рухнули в груды обломков.

– Измена!.. Ко мне, Буа-Брюле! Спасем их, если еще есть время; ну, а если уже слишком поздно, то отомстим за них.

Сразу же после того как дым рассеялся, показалась баррикада, рассеченная брешью, которая была, в крайнем случае, доступна для приступа храбрыми, дисциплинированными и хорошо вооруженными людьми.

Пушки рокотали без отдыха, осыпая снарядами этот пролом, как для того, чтобы расширить эту брешь, так и для того, чтобы помешать метисам заделать провал. А вдалеке, в цветущих садах, развертывались для атаки колонны, и рожки протрубили сигнал. Метисы бросились по домам, тогда как Батист с несколькими своими друзьями, не замечая снарядов, рвавшихся вокруг них, разрывали окровавленными пальцами завалы, под которыми были погребены молодые люди.

– Измена!.. – это слово старого Батиста переходило из уст в уста.

Разумеется, нужна была рука предателя, чтобы прорыть под улицей потайной лаз длиной в пять метров, доходивший до середины баррикады. Этот лаз начинался в угловом доме, что стоял направо. Вход в него прикрывали доски опрокинутого тюфяка из кукурузных листьев. Предатель мог заползти в лаз, оставить там пороховой заряд и наладить минную камеру.

Вот о чем говорили защитники баррикады, обмениваясь отрывочными фразами, прерывавшимися взрывами и отчаянными криками.

Баррикада сопротивлялась до ночи пушкам генерала Мидлтона. Скромная деревушка Батош преградила путь пяти тысячам солдат регулярной армии. Этот маленький оплот независимости Буа-Брюле, так же как вчера и позавчера, победоносно отражал все атаки противника.

Воспользовавшись сумерками, можно было легко восстановить это примитивное, но непреодолимое укрепление, едва-едва поврежденное артиллерией. Ни виннипегские карабинеры, ни тем более торонтские гренадеры так и не смогли взять его, несмотря на три яростные атаки. Баррикада позволяла сражаться одному против трех, причем значительно уступая в вооружении и выучке.

Но предатель!.. Что это за подлец? Надо бы устроить над ним быстрый и праведный суд.

Черт побери!.. Да это же мог быть только собственник дома, некий Туссен... Туссен Лебёф... хозяин маленького базарчика, где жители Батоша покупали продовольствие. Возможно, он не слишком щепетилен, набрасывает цену и, как потихоньку шепчутся, не чурается контрабанды... Зато какой милый парень! Какой веселый собеседник! Он охотно предложит трубку с табаком или стаканчик водки... Кто бы поверил в это?.. А ведь между тем предупреждали не верить сверлящему взгляду его серых глаз, его загадочной улыбке, его таинственным исчезновениям, столь долгим и столь частым!

Но он же пришел на призыв вождей восстания и казался патриотом.

Смотрите-ка, его жена спит вместе с детьми там, на большом соломенном тюфяке, прикрывающем лаз. Младшенький, кажется, болен. Его положили, чтобы не трогали тюфяк, под который ночью проскользнул отец и занялся своей кротовьей работой.

Вчера, во время вылазки, он заставил всех своих выйти из дома, опасаясь за мать и за малышей... и, разумеется, за свою кубышку, которую должна была нести жена... выручку от последних продаж, раз в пятнадцать превосходящую закупочную стоимость товара, а еще – доход от ростовщических операций, да и плату за измену.

При первых же артиллерийских выстрелах он поджег довольно длинный фитиль и подложил огонь к мине... И вот теперь, из-за его предательства, деревню возьмут.

О, жалкий Иуда!.. Но где же он прячется? Всего за четверть часа до взрыва он был у своего дома...

Все подобные рассуждения долго описывать, на самом же деле они продолжались всего несколько секунд, потому что все говорили одновременно, и голоса сливались в нарастающий шум.

И тут радостный вопль вырвался из груди старого Батиста, разгребавшего с помощью своих друзей осыпавшиеся обломки. Он наконец-то заметил своих детей: скорчившихся, прижавшихся друг к другу, притиснутых к наклонному брусу, который образовал подобие навеса над ними. Однако мальчишки были живы и слабыми голосами звали на помощь!

Не замечая рвавшихся над ними снарядов, защитники баррикады рьяно расчищали площадку. Напрягая силы, они хватали всё, что попадалось под руку, прислоняли к брусу, откидывали всё, что мешалось, и наконец вытащили из рывины агонизировавших там Жана, Жака и Франсуа, контуженных, окровавленных, почти бездыханных, не способных подняться.

– Вперед, ребята, соберитесь с силами! – обратился к ним папаша Батист, откупоривая свою охотничью фляжку. – Не время расслабляться... Глоток водки, а?..

У подобных людей слабость быстро проходит. Природная энергия юношей, их молодая сила скорее, чем выпивка, поставили их на ноги.

– А трое друзей?..

– Они убиты!..

Друзьям повезло меньше, чем Жану и его братьям. Они рванулись вперед и были поражены картечью.

– И во всем этом виноват Иуда, – процедил сквозь зубы Батист.

Десять минут прошло после взрыва; десять минут не прекращался обстрел бреши снарядами и картечью. Осаждавшие хотели помешать метисам подготовиться к отражению атакующих колонн, а одновременно помочь атакующим прорваться в развороченный редут.

Внезапно пушки умолкли. Показалась колонна солдат, марширующая по четыре в ряд параллельно дороге, на которую были нацелены орудия. Снова исступленно зазвучали рожки, солдаты сбились в плотную массу и ринулись вперед. Они закричали «Ура-а!» и, карабкаясь по качающимся обломкам, были удивлены мертвой тишиной, встретившей их внезапное вторжение.

Англичане, безумно храбрые перед явной опасностью, готовые броситься на ошестившихся штыками врагов, испытывали какую-то неподдающуюся объяснению нерешительность, впрочем, весьма короткую, по поводу столь легкого успеха, который, казалось, предвещал ловушку.

Первые ряды, еще сомкнутые, поспешили очистить проход, продвигаясь бегом вдоль домов, где снарядам не столь легко было бы их накрыть.

– Огонь!.. Огонь! Больше огня! – раздался звонкий голос.

Приказ был повторен выстрелом из карабина.

Офицер, бежавший впереди первого взвода, грузно шлепнулся с продырявленным виском.

И сразу же сквозь бойницы, прорезанные на высоте человеческого роста в домах, хлынула двойная волна пламени и дыма. Послышалась серия сухих щелчков, вскоре за ними последовал непередаваемый вопль, а потом в белых клубках, из которых вырывались языки пламени, возникла смутная карусель людей в куртках серо-стального цвета. Они раскачивались, пошатывались, падали, катались с жестами безумцев или конвульсиями осужденных на пытки.

В одно мгновение пали с полсотни ополченцев, уничтоженных в упор из винчестеров.

Батист, трое его сыновей и еще пять-шесть метисов, засевших в доме проклятого Туссена, устроили настоящий огненный ад.

– Смелей, ребята! – кричал старик. – Лупите по куче... Настреляйте-ка мне этих английских безбожников!

– Смелей!.. Смелей!.. Смерть собакам-еретикам!⁴

Между тем «англишские безбожники» оказались гордыми солдатами; они падали замертво, но не отступали, а в деревню входили всё новые воинские контингенты. У метисов закончились патроны в магазинах; кроме того, карабины так нагрелись, что их с трудом можно было удерживать в руках.

Ситуация обороняющихся мало-помалу становилась критической; им просто не хватало времени для перезарядки оружия. Если не придет подкрепление, то их обойдут и окружат в домах, а некоторые из домов уже загорелись.

Еще не все атакующие мертвы – до этого пока далеко. И вот выжившие, отчаявшись изгнать своих упрямых противников, задались целью удушить их дымом или зажарить, если метисы останутся на своих позициях.

Но чем же занят Луи Риэль, который наблюдал с колокольни за перипетиями борьбы? Разве не должен он был прислать подмогу?

⁴ Франкоязычные метисы были в большинстве своем католиками, тогда как англичане исповедовали особую форму христианской веры – англиканство.

– Смелей, ребята! – кричал старик

Главе Буа-Брюле предстояло многое сделать со своей стороны. Он как раз собирался выделить сотню мужчин, рвущихся в битву, в которой они до сих пор участия не принимали, когда услышал с другой стороны деревни крик: «К оружию!»

Предчувствие подсказало ему, что именно там грозит опасность.

Генерал Мидлтон, стреляный воробей, устроил сопровождаемую адским шумом ложную атаку, чтобы подготовить диверсию. Теперь он обошел деревню и направил свои войска к другому ее концу, где их никто не ожидал.

В то же время посыльный от Батиста сообщил вождю восстания об измене Туссена, взрыве баррикады и гибельном положении группы, которой была доверена ее защита. Батист настоятельно просил помощи.

Только тогда Луи Риэль понял план генерала. Благодаря подлости Туссена, того препятствия, о которое разбивались трое суток все усилия англичан, больше не существовало. Следовательно, регулярные войска раньше или позже захватят дома, где укрепились Батист и его люди. Доступ в деревню с той стороны будет открыт; метисы, занимающие церковь, площадь и вторую баррикаду, окажутся под перекрестным огнем, потому что генерал повернет свои войска назад.

Увы! Оказалось, что последующие события подтвердили правоту рассуждений вождя Буа-Брюле. Батош был взят в результате невиданного до той поры факта: измены франко-индейского метиса!

Глава 2

Долгая и суровая канадская зима пятнадцать дней как закончилась. За жутким холодом, промораживающим реки до дна, дробящим скалы, разламывающим деревья, безо всякого перерыва наступила торопливая весна, и температура воздуха возвестила о скором приходе жаркого лета.

Пятого февраля 1885 года в Виннипеге, столице провинции Манитоба, термометр упал до -30° по Цельсию, а 4 мая того же года он поднялся до 20° выше нуля.

Стало быть, достаточно одной недели, чтобы преобразовать зимнюю пустыню, чья ослепительная и монотонная белизна расстилается, неумолимая, бесконечным саваном надо всем живущим.

Земля размягчается и оттаивает, просыпаются текучие воды, многолетние растения расправляют свои стебли, по деревьям обильно течет сок, а вскоре под жаркими, животворными ласками солнца пробуждающаяся природа в один миг выставит напоказ свой пышный убор.

Пройдет еще восемь дней, и зацветут сады. Белые от инея ветки покроются благоухающим снегом венчиков; травы заиграют оттенками голубого, розового и желтого; почки будут лопаться под давлением молодых листочков.

Ласточки станут преследовать одна другую, издавая короткие крики, резкие и радостные; сороки и сойки застрекочут без остановки, а колибри с рубиновым горлышком, уже долетев из Мексики, появятся, словно раскаленные угли, среди ветвей яблонь, груш и абрикосовых деревьев, цветы которых опьяняют этих мелких птишек хмельным, летучим нектаром.

...Но если природа устраивает праздник в Манитобе, этой молодой, но уже богатой провинции Канады, или – как говорят там – «Державы», люди этого празднества не разделяют.

Какой прискорбный контраст! Мы только что видели, как посреди этого весеннего великолепия люди в течение трех дней ожесточенно бились между собой. Еще прискорбнее то, что этот контраст был вызван беспощадной борьбой братьев, закончившейся безжалостной резней!..

В этот самый момент мирную округу терзала гражданская война, самое ужасное из всех бедствий.

...Красивейшая река шириной в сто двадцать метров катила свои глубокие, взмученные теплотой воды с юго-запада на северо-восток. На 106° долготы к западу от Гринвичского меридиана река немного отклоняется к северу и под $52^{\circ}30'$ северной широты встречает чудесную деревушку, солидно укрепленную зубчатой стеной.

Только что упомянутая река называется Северным Саскачеваном. Это – один из главных притоков озера Виннипег. Деревня, населенная потомками старинных франко-канадских колонистов, носит название Батош.

День, когда начинается наш рассказ, 12 мая 1885 года, стал печальной датой для сыновей этой деревушки, всё еще любимых старой Францией.

Дома в Батоше были построены частью из камня, частью из неотесанных бревен, скрепленных поперечными связями, придающими конструкциям устойчивость к любым нагрузкам. На западе деревня примыкала к самой реке, надежно защищавшей от всяких неожиданностей. Деревенские улицы были перегорожены на высоте крыш постоянно возобновляемыми баррикадами, как того требовали правила стратегии. Их охраняли черноволосые гиганты с бронзовыми лицами.

Мы уже видели в деле этих отважных метисов, которым надоело сносить несправедливости британской администрации, и они восстали под руководством своего соплеменника Луи Риэля на защиту своих беззащитно попираемых прав.

Восстание было всеобщим и абсолютным – до такой степени, что оно коснулось и национальных цветов. И, правда, над Батошем развевалось не английское знамя. Желая сделать протест еще более красноречивым, если так можно выразиться, расквартированный в Батоше повстанческий отряд поднял белый стяг с золотым цветком лилии, старой эмблемой французской монархии, благородный штандарт Шамплена⁵ и Монкальма⁶, основателя канадской независимости и ее мученика, штандарт героев, воспоминание о которых священо для американских французов.

Трогательная мысль продиктовала выбор этой эмблемы тем, кого наглый захватчик считал дикарями, позорил, лишал владений, а также – воспоминание о тех временах, когда их предки боролись до последнего дыхания и со славой гибли за свободу.

К востоку от Батоша, где командовал именем закона и справедливости Луи Риэль, примерно в тысяче метров находился укрепленный лагерь, занятый регулярными войсками: пехотой, артиллерией и несколькими эскадронами легкой кавалерии, входившими в состав конной полиции. Глубокий ров и высокий массивный частокол окружали лагерь, а ворота круглые сутки охраняли часовые. Посты пришлось удвоить.

Ежеминутно патрули разведчиков обшаривали окрестности, уже прочесанные рейдами кавалерийских отрядов. Таков был тяжелый, но необходимый труд; инсургенты делали его опасным: съездившись в какой-нибудь огневой точке, ямке или другой мелкой неровности земной поверхности, они безжалостно истребляли караулы. Половина состоявших в строю людей (а в лагере находилось немало раненых) отдыхала, тогда как другая половина пребывала на посту.

Пять тысяч солдат генерала Мидлтона⁷, главнокомандующего канадской армией, ощущали приближение решающего сражения и готовились к нему, смешивая в душе рвение с гневом. Им и в самом деле хотелось отомстить за множество серьезных обид, нанесенных противником, уступающим в числе, вооружении и дисциплине. Этих врагов англичане и благоговевшие от них газеты презрительно называли «дикарями».

Только позавчера дикари отменно поколотили регулярных солдат, бросившихся на штурм Батоша и намеревавшихся взять деревню без потерь.

⁵ Шамплен, Самюэль де (1567–1635) – французский путешественник, гидрограф, основатель первых французских поселений в Канаде (по берегам реки Святого Лаврентия); в 1633–1635 гг. был губернатором этих поселений, называвшихся Новой Францией.

⁶ Монкальм-Гозон, Луи-Жозеф де (1712–1759) – французский военачальник; во время Семилетней войны командовал французскими войсками в Северной Америке, провел ряд успешных боевых операций против британских войск; был смертельно ранен в неудачной для французов битве на равнине Авраама.

⁷ «Пять тысяч солдат генерала Мидлтона...» – Фредерик Мидлтон (Миддлтон) (1825–1898) не был главнокомандующим канадской армии; в 1884–1890 гг. он был главой колониальной милиции Канады; вопреки утверждению автора, в описываемом сражении под его началом находилось не более 3000 солдат и офицеров.

А генерал Мидлтон, кроме численного превосходства, имел на своей стороне бронированный военный пароход «Норткоут», поднявшийся по Саскачевану и бомбардировавший Батош снарядами, причинявшими значительный ущерб.

Они безжалостно истребляли караулы

Однако ни храбрость ополченцев, ни их численность, ни корабельная артиллерия не могли сломить героического сопротивления метисов. Больше того, метисы в один прекрасный момент оставили свои траншеи и огневые точки, бросившись в свою очередь в атаку на регулярные войска и канонерку. Адский огонь, обрушившийся на «Норткоут», наполовину разрушил судно, а его экипаж расстреливали с высокого берега Саскачевана меткие стрелки

Буа-Брюле. Пароход вынужден был отойти подальше от театра военных действий⁸, а инсургенты в это время отбросили от Батоша торонтских гренадеров и виннипегских карабинеров. Только пушкам и митральезе Гатлинга⁹ удалось остановить стремительный натиск метисов и спасти генерала Мидлтона от полного разгрома.

...Кстати, надо сказать несколько слов, дабы объяснить эту братоубийственную войну, возобновившуюся с особой жестокостью 12 мая¹⁰.

В 1867 году, сразу же после объединения Верхней и Нижней Канады, Новой Шотландии и Нью-Брансуика в Доминион (или Державу) Канада, министры молодого государства купили у Компании Гудзонова залива ее территориальные привилегии, оцениваемые в семь миллионов квадратных километров. На этих обширных землях обитало в 1870 году две тысячи белых жителей, пятнадцать тысяч метисов и около семидесяти тысяч индейцев.

Метисы, потомки бывших французских охотников и индейских женщин, жили на тех же землях, где от поколения к поколению обитали их предки, занимаясь земледелием и скотоводством. Разумеется, Компания никогда не собиралась провести кадастр земель, где каждый хозяйствовал в свое удовольствие и не имел никакого желания покушаться на собственность соседа.

Всё изменилось в тот день, когда они перестали быть арендаторами бывшей компании и стали подчиняться непосредственно правительству Державы.

Известно, что в Канаде существует вековой антагонизм между гражданами английского и французского происхождения, завоевателями и покоренными. Этот антагонизм усиливается религиозной проблемой.

Метисы северо-запада, или Буа-Брюле, относятся к ревностным католикам, благоговейно сохранившим веру отцов, исключительное использование французского языка прошлого столетия со всеми его наивными оборотами и милыми архаизмами. Это, стало быть, отнюдь не дикари, как утверждают фанатики-протестанты с востока; они – отважные земледельцы, почтенные отцы семейств, воспитывающие многочисленное потомство в почитании Бога, трудолюбии и культе воспоминаний о старине.

Несмотря ни на что, в них не хотят видеть лояльных и верных подданных, владельцев земель в силу права, возникшего как результат векового обладания ими; их считают дикарями, которых надо прогнать без каких-либо формальностей. Образование доминиона стало удобнейшим случаем для оранжистов¹¹, обладавших большинством в правительстве, чтобы осуществить национальную и религиозную месть, а также провести весьма прибыльную операцию.

Английские землемеры на скорую руку составили свой фантастический кадастр; когда же прежние землевладельцы заговорили о своих правах, им ответили с возмутительным

⁸ «...подальше от театра военных действий» – «Норткоут» в действительности был военным транспортом. В сражении Мидлтон поставил капитану оперативную задачу: высадить десант в тылу защитников Батоша и нарушить оборону деревни. Однако «Норткоут» прибыл раньше сухопутного отряда и быстро стал мишенью метисов. Конечно, их пули практически не наносили ущерба броневой обшивке транспорта, но защитникам Батоша удалось перегородить реку стальным тросом от местного паромы. Транспорт наткнулся на преграду, у него снесло мачту и повредило трубу; котел пришлось погасить, и судно течением отнесло далеко от города.

⁹ Митральеза – старинное одноствольное или многоствольное скорострельное оружие (в русской армии называлось картечицей). Митральеза Гатлинга считается одним из первых образцов пулемета. Оно запатентовано Ричардом Джорданом Гатлингом в 1862 году. Усовершенствованную армейскую модель калибра 11,43 мм в Великобритании выпускали с 1876 года.

¹⁰ «... 12 мая» – Надо предупредить читателя, что Буссенар не был историком; в описании как битвы при Батоше, так и всего хода Северо-Западного восстания (да и противостояния метисов с английскими колониальными властями вообще) он допускает ряд неточностей.

¹¹ Оранжисты – члены Оранжевого ордена, протестантского братства, учрежденного в 1796 году в Ирландии. Орден имеет ярко выраженную антикатолическую направленность и имеет разветвленную сеть лож в Британском Содружестве наций (в прошлом имел в Британской империи) и в США.

английским высокомерием, что любое право без документа недействительно. С той поры оранжистские колонисты с востока приезжали в провинцию Онтарио и занимали место поселенцев-метисов!

Луи Риэль

Уставшие от бесполезных требований Буа-Брюле подняли восстание¹². Руководство мятежниками взял в свои руки Луи Риэль, 26-летний метис, воспитанник Монреальского коллежа. Восставшие были разбиты полковником Вулзли¹³, но вооруженный протест не

¹² Имеется в виду так называемое Восстание на Ред-Ривер (1869–1870 гг.).

¹³ Вулзли (Уолсли), Гарнет Джозеф (1833–1913) – знаменитый британский военачальник, ирландец по происхождению; участвовал почти во всех значимых вооруженных конфликтах Британской империи во 2-й половине XIX в.; в 1894 г. полу-

остался без пользы, потому что они выиграли тяжбу и добились амнистии: настолько вопиющей оказалась несправедливость.

В течение нескольких лет всё шло хорошо, но процветание северо-западных провинций вызвало новый и более мощный всплеск эмиграции, снова приведший к серьезным имущественным конфликтам.

Во второй раз колонисты отказались признать права метисов, намереваясь согнать их с земли и рассматривая их как кочевых индейцев, то есть отрезать их от своей цивилизации, согнать в резервации и занять их место. И снова метисы обратились к Луи Риэлю, своему естественному защитнику, и тот ответил на их призыв. Он собрал жалобы, передал их правительству и повел с властями бесконечные нервные переговоры. Казалось, что в этих условиях государственные деятели Канады хотели довести до крайности Буа-Брюле, поскольку терпение не считалось их доминирующей добродетелью, и подвигнуть их на новый взрыв.

А он был неизбежным. Устав от многолетних одурачиваний, метисы восстали в январе 1885 года¹⁴ и взяли в плен членов провинциального кабинета. Оторванный этой достойной всяческого сожаления торопливостью от переговоров, Луи Риэль поспешил встать во главе восставших, число которых с каждым днем возрастало. Инсургенты с энтузиазмом приветствовали своего вождя.

Значительная группа во главе с Габриэлем Дюмоном¹⁵ уже вынудила генерала Кроза¹⁶ эвакуировать Форт-Карлтон и осадила Батлфорд, главный город округа Саскачеван.

Став главнокомандующим, Луи Риэль укрепился в Батоше, чтобы иметь возможность согласовывать с Дюмоном план решающего сражения.

Правительство провинции и обе палаты провинциального парламента испугались. Срочно состоялось голосование по вопросам защиты регионов, находящихся под угрозой. Генерал Мидлтон поспешно собрал пять тысяч человек и выступил в поход с намерением захватить Батош и деблокировать Батлфорд¹⁷.

Суровость зимы замедлила его продвижение, да и партизаны докучали то и дело, нанося серьезные потери его маленькой армии. Мидлтон вынужден был зазимовать в Фиш-Крик; поход он смог возобновить только в конце апреля. Он не медлил с осадой Батоша, посчитав при этом благоразумным оборудовать укрепленный лагерь.

Девятого мая Мидлтон отправил своих солдат в атаку; она была отбита. Столь же бесполезной оказалась попытка ворваться в деревню на следующий день. Двенадцатого, с утра, начался третий приступ.

Луи Риэль наэлектризовал своих метисов одной единственной фразой, достойной героев Трои:

«Дети старой Франции, вы бьетесь под знаменем своих отцов... Будьте достойны их мужества и выполните свой долг».

чил звание фельдмаршала.

¹⁴ «... в январе 1885 года» – началом так называемого Северо-Западного восстания историки считают март 1885 г. Перед началом этого восстания Луи Риэль находился в эмиграции в США.

¹⁵ Дюмон, Габриэль (1837–1906) – один из вождей метисов на западе современной Канады. В юности охотился на бизонов, в 1873 г. был избран президентом коммуны Сен-Лоран и с тех пор играл видную роль в метисском движении, в 1885 г. входил во временное правительство метисов. После разгрома под Батошем бежал в США, выступал в шоу Буффало Билла; в Батош вернулся в 1893 г., написал две книги о своем участии в Северо-Западном восстании.

¹⁶ «Кроза» – вероятно, имеется в виду Лейф Ньюри Фитцрой по прозвищу Крозье, командир отряда конной полиции, разгромленного метисами под предводительством Габриэля Дюмона в сражении при Дак-Лейк 26 марта 1885 г.

¹⁷ «... деблокировать Батлфорд» – на самом деле Батлфорд был взят и разграблен голодными индейцами племени кри 30 марта 1885 г. Жители Батлфорда, узнав о приближении скопища индейцев, покинули город, так что индейцы безо всякого сопротивления вошли туда.

И метисы выполняли свой долг просто и героически до тех пор, пока измена не оставила их беззащитными перед врагом, имевшим превосходство в численности, вооружении и дисциплине...

Измена!.. Мрачно прозвучало это слово в ушах Риэля. Он хладнокровно оценил ситуацию одним взглядом опытного стратега. Инстинктивно он почувствовал, что всякое сопротивление бесполезно. Если чрезмерно продолжать его, то случится непоправимая катастрофа. Его люди пожертвовали бы жизнью, все до последнего, если бы от них потребовалась высшая жертва. Ну, а что потом?.. Да, конечно, их смерть по меньшей мере обеспечила бы торжество идеи, за которую они боролись!

С бешенством в сердце, со слезами на глазах он прошептал сдавленным голосом побледневшему посланцу Батиста, ждавшему приказа:

– Всё кончено!.. Надо с боем отступать, пока еще есть время вытащить этих несчастных из ловушки... Теперь надо позаботиться о живых. Я содрогаюсь, когда подумаю о вдовах и сиротах. О! Пусть навечно будут прокляты предатели!

Потом он повернулся к посыльному и сказал:

– Возвращайся к Батисту и скажи ему: пусть он продержится еще четверть часа, а после отступает к церкви.

Пять минут спустя посыльный добрался до развалин баррикады, где бой продолжался с необыкновенным упорством.

– Прощай, Батист! – сказал он, передав приказ Луи Риэля.

– Прощай!.. В чем дело?

– Я вернулся... оттуда... с пулей... в груди... Если ты уцелеешь... поклянись мне... преследовать... даже в глубине ада... Туссена... который всех нас погубил... и заставить его... заплатить за это...

– Клянусь!

– Спасибо! – пробормотал раненый и рухнул на землю, захлебываясь кровью.

– Гром и молния! Еще одним из моих молодцов стало меньше... Эй, малыш, поберегись! – крикнул он, сжав руку своего младшего сына; прямо на того был направлен сверкающий штык, насаженный на карабин.

– Ты больше никого не убьешь!

Это глухо зарычал Жак, средний сын Батиста, раскалывая ударом топора голову ополченца.

А потом пришел черед Жана орудовать топором, чтобы сберечь последние патроны.

Старый Батист, прижатый к горевшему дому, оказался перед четырьмя солдатами в серо-стальных куртках.

– Сдавайся! – крикнул ему сержант.

– Глупости! – ответил Буа-Брюле.

– А! Ты хотел прикоснуться к отцу... Ты! – крикнул Жан и отрубил сержанту руку.

Франсуа, выказав тигриную ловкость, вскочил между двух солдат. Те считали его мертвым, а теперь, увидев, что он еще очень молод, решили, что легко с ним справятся, и хотели схватить юношу. Но он протянул свои атлетические руки и без видимого труда прижал ополченцев к дымящейся стене, сказав при этом:

– Не двигайтесь!

– Пленники? – спросил отец. – Что ты с ними будешь делать?

– Мне пришла в голову мыслишка, па... И очень смелая...

– Жан, и ты, Жак, постарайтесь каждый захватить по серой куртке... Поторопитесь, братишки...

На поле боя стало жарко; стреляли мало, потому что дошло до рукопашной. По какой-то чудесной случайности ни Батист, ни его сыновья, нисколько не щадившие себя, не получили серьезных ранений: ссадины, ушибы, несколько легких шрамов – вот и всё.

Жак протянул руку к карабину, которым размахивал четвертый солдат, вырвал его и внезапно выстрелил. Ополченец, повинувшись непреодолимому рефлексу, упал лицом вниз; молодой метис подхватил его на лету. Жак был несколько насмешлив по натуре; он протянул ополченца брату:

– Вот еще один «предмет».

– Хорошо! Трех достаточно, – ответил Франсуа с изумительным спокойствием.

– Па, знаете, четверть часа, обещанные Луи Риэлю, прошли.

– Может, это и так, но надо бы хорошенько всё рассчитать...

– Как скажете, па... Только другие уже отступают... Видите, мы остались почти одни...

– Жан, взвали солдата себе на спину... Жак, за тобой другой... Ну, а я возьму третьего...

– Вы, па... я не командую, но вы пойдете впереди... а мы – за вами, гуськом...

Старый Батист хорошо рассчитал. Не будь оригинальной мысли его сына, четверка вызвала бы на себя огонь взвода из той группы, которую только что сформировал офицер. Но теперь никто не отважится стрелять, будучи абсолютно уверенным в том, что заденет солдат, превращенных в весьма эффективные, хотя и несколько громоздкие щиты.

Молодежь Буа-Брюле покидала поле боя бегом, друг за дружкой, с отцом во главе; их нисколько не задерживал вес закинутых на спины ополченцев с болтающимися ногами и снаряжением.

Наконец, они живыми и здоровыми приблизились к церкви. Луи Риэлю хватило нескольких минут, чтобы организовать отступление. Оно проходило вдоль берега реки с невероятной быстротой, но в полнейшем порядке. Желая скрыть истинное направление отхода, Риэль время от времени устраивал имитацию организованной обороны. Впрочем, действия отступавших были такими смелыми и такими отчаянными, что генерал ничего подобного не ожидал.

Притом каменные дома выглядели настоящими крепостями, так что их приходилось брать по одному, тогда как деревянные строения вспыхивали разом, насыщая воздух клубами черного дыма, который скрывал движение метисов.

Свыше трех четвертей беглецов уже переправились через реку, когда Батист и его сыновья вышли со своими пленниками на площадь.

При виде серых курток, несколько взбудораженных метисов, взбешенных своей неудачей, хотели расправиться с ополченцами, а те, увидев, что оказались в руках людей, в которых они возбуждали кровожадность, уже видели себя разорванными на куски.

Но Батист встал между толпой и пленниками и сказал тоном, не терпящим возражения:

– Полноте, друзья, разве мы дикари, чтобы убивать пленников? Прежде всего: это мы их захватили!.. Они наши... а не чьи-либо, и я волен делать с ними всё, что мне вздумается. Не хочет ли кто опровергнуть меня?

– Да... да... ты прав, папаша Батист.

– Кроме того, эти люди помешали нам отойти в другой мир... Ну, да, может быть, не по своей воле... Не отрицаю, но в конце концов так получилось. И я, Батист, нахожу, что такая заслуга должна быть вознаграждена. Я хочу вернуть им свободу. Кого-нибудь из вас это беспокоит?..

– Нет!.. Нет!.. Делай по-своему, Батист.

– Вы слышите, господа солдаты? Все согласны? Итак, – продолжал полным достоинством голосом старый метис, – вы свободны! Ступайте к своим товарищам и расскажите им, как дикари поступают со своими врагами.

– А я, месье, – прервал его по-французски один из ополченцев, отдавая Батисту воинское приветствие, – я благодарю вас от имени моих товарищей и от себя лично.

– Вы – настоящий джентльмен!

– А теперь, друзья, – добавил бравый метис, обращаясь к окружающим, – нам не стоит обрывать здесь мхом. Продолжайте не торопясь спускаться вдоль берега реки. Я остаюсь здесь со своими парнями, буду прикрывать отступление. Мы покинем эту площадь последними!

Ополченцы, безмерно счастливые тем, что так дешево отделались, повернулись кругом и поспешили к своим товарищам. Те уже приближались, стреляя из карабинов.

Батист спокойно уселся на полуобгоревший брус, набил свою трубку и наклонился, чтобы поднять головешку. И тут раздался звук выстрела, более сухой и пронзительный, чем карабинные выстрелы, раздался в направлении, диаметрально противоположном телам ополченцев.

Буа-Брюле конвульсивно выпрямился, хрипло вскрикнул и стал постепенно склоняться вперед, пораженный вошедшей между лопаток пулей.

Сыновья в ту же секунду кинулись к нему и поддержали отца.

– Господи Иисусе!.. Боже ты мой!.. Мои бедные дети... Я мертв! – промолвил он затухающим голосом.

Глава 3

Молодые люди, бледные, съежившиеся, со стянутыми лицами, не говорили ни слова и даже не двигались, словно выстрел тоже поразил каждого из них прямо в сердце.

– Отнесите меня к церкви, – проговорил раненый. – И не ищите помощи... это бесполезно... Я умру и хочу, чтобы вы оставались со мной... до конца.

Ужасные рыдания сотрясали троих детей, когда они выполняли пожелание своего отца; искаженные черты его лица выдавали тяжесть его страданий.

– Отец!.. Надо бы всё же поглядеть, – всхлипнул Франсуа.

– Как хочешь, сынок...

Жак и Жан положили отца на землю, осторожно повернув его на бок, а Франсуа разрезал ножом куртку из оленьей шкуры, продырявленную маленьким круглым отверстием. Всего несколько капель крови выступило из раны, уже окаймленной зловещим бурым ореолом. Пуля весьма мелкого калибра рассекла позвоночник несколько наискось и пробила легкое. Началось внутреннее кровоизлияние. Процесс пошел очень быстро, потому что дыхание раненого становилось всё тяжелее.

Молодой человек уже немало повоевал и повидал достаточно ран; ему трудно было ошибиться со страшным диагнозом: отцу осталось жить не более четверти часа! Растерявшийся, обезумевший от мысли, что он видит, как умирает горячо любимый отец, Франсуа тяжело упал на колени и забормотал:

– Отец!.. Отец!.. Нет... Вы не умрете.

– Дорогие мои детки, послушайте меня, – прохрипел Батист, сохранявший удивительное присутствие духа. – Прислоните меня к стене... Хорошо! Отступите немножко, чтобы я всех вас увидел. Меня убил один из наших... Я слышал выстрел... Звук не похож на выстрел из боевого оружия... Это канадская винтовка... Дырка от пули – не крупнее стержня пера... Не так ли, Франсуа? У меня не было врагов, я никому не делал зла... Только один человек заинтересован в моей смерти... и это Туссен Лебёф... предатель, продавший нас... У Туссена хранится большая сумма принадлежащих мне денег... Десять тысяч долларов... Слышите?.. Пятьдесят тысяч франков во французской валюте... Я доверил их ему, чтобы

он сохранил эти деньги как ваше наследство... Он хочет присвоить их... Боже мой! Как я ослабел! А мне еще так много вам надо сказать... Жан!.. Фляжку!

Старший из Буа-Брюле послушно открыл фляжку, наполовину заполненную водкой, и поднес ее к губам умирающего. Тот жадно пил большими глотками.

– Спасибо, старшенький... Мне стало лучше. Вы должны во что бы то ни стало найти Туссена и любыми средствами вернуть эти деньги... Слышите?.. Десять тысяч долларов... Это ваше состояние... Я его законно заработал на золотых россыпях Карибу. А врага своего я как настоящий христианин прощаю... Позже вы убедитесь, сможете ли душой и разумом простить того, кто продал своих братьев, кто сделал бесполезной пролитую кровь... Вы будете очень одиноки... изолированы жизнью... Поступайте всегда так, словно я нахожусь рядом с вами... Когда вас одолеют сомнения, говорите себе: «А что бы подумал отец... если бы был здесь?» Никогда не делайте другому то, чего не пожелали бы себе... и всегда оставайтесь... хорошими и честными французами... Передайте мой прощальный привет Луи Риэлю... скажите ему, чтобы не думал о капитуляции и никогда не отдавался в руки этих людей... Умирающий видит верно и далеко... Ваше дело проиграно... И ему, и тем, кто больше всего скомпрометировал себя, лучше бы уйти в Соединенные Штаты... Что же касается вас, возвращайтесь в горы Карибу, к своим родственникам... к Перро... братьям вашей умершей дорогой матери... скажите им... Ах, боже мой!.. Жизнь уходит... Прощайте, мои любимые... Я умираю достойным потомком француза... и настоящим христианином...

Он начертал рукой знак креста, потом волна крови заполнила ему рот, тело содрогнулось в страшной конвульсии, он застыл и умер, уставившись зрачками на крест церкви. Какой-то метис пытался под градом пуль вырвать у него из рук белое знамя.

В тот самый момент, когда Батист умирал на руках у своих сыновей, последние Буа-Брюле отчаянно сражались с солдатами в арьергардном бою, скорее напоминавшем бегство. Тем не менее каждый из них замедлял шаг, потом и вовсе останавливался, обнажая голову перед трупом ветерана борьбы за независимость метисов и обращаясь к его детям с парой грубоватых, но ласковых слов сочувствия.

На какой-то момент Жан, Жак и Франсуа, погрузившиеся в бездну боли, забыли обо всем перед остывающим трупом любимого отца...

– Братья, – сказал Жан, который первым пробудился от кошмара, – надо его унести... туда, к нашим...

– Да, брат, ты прав, – откликнулся Жак, – придут серые куртки, и мы не сможем устроить ему похороны так, как нам хочется.

– Братья! – закричал Франсуа. – Вставайте!.. Они здесь!

Уверенный в своей силе, он наклонился, поднял труп и крепко прижал его к себе. Он бросился было к проходу между двумя пылающими домами, по которому можно было пройти к маленькой армии Луи Риэля, но кто-то властным голосом грубо приказал ему остановиться.

– Стоять!.. Не шевелиться! Не двигаться! Иначе – смерть!

Человек двадцать ополченцев¹⁸, в пришедшей в беспорядок форме, с опаленными шевелюрами и бородами, высыпали из прохода, который только что обнаружили братья. Другая группа ополченцев вышла им навстречу с противоположной стороны. Молодые люди увидели вокруг себя угрожающий круг штыков.

¹⁸ «Человек двадцать ополченцев» – Собственные вооруженные силы Канады были созданы в 1867 г. Они получили название Канадской милиции и подразделялись на две части. Постоянно действующая милиция привлекалась к охране границ, борьбе с индейцами и подавлению восстаний. На ее основе с 1871 г. возникали настоящие воинские формирования, как, например, участвовавшие в подавлении Северо-Западного восстания Королевская канадская конная артиллерия, Королевские канадские драгуны, Королевский канадский полк. Наряду с этим существовали резервные части (непостоянно действующая милиция), активируемые в случае особой надобности, то есть фактически ополчение.

Момент был критическим, и регулярное воинство, крайне измученное боем, взбешенное столь длительным сопротивлением и разочарованное тем, что не удалось пленить Луи Ризля, казалось, хотело разорвать пленников – точно так же, как это недавно намеревались сделать метисы.

А те, прижавшись к церковной стене, положили труп на землю и были готовы противостоять вооруженной толпе, чтобы спасти тело отца от постыдного оскорбления.

– Бога ради!.. Хватит таких историй, – процедил сержант шестифутового¹⁹ роста, сухой, как палка, с длинными рыжими бакенбардами и крупными зубами. – Эти люди взбунтовались против власти ее величества королевы; это – поджигатели, убийцы, дикари! Расстреляйте их здесь!

В войнах между разными странами есть законы, предписанные воюющим сторонам международными конвенциями, которые обуславливают главным образом заботы о раненых и уважение к пленникам.

Гражданская война не знает ни обычаев, ни конвенций. Это – убийство во всем его ужасе, и нет – увы! – никаких временных послаблений, привнесенных нашей цивилизацией. Далеко не всегда безоружный противник спасает жизнь, и даже раненый не находит милосердия у победителя, тогда как прощение было бы таким легким и в то же время таким логичным для жителей одной страны!

Надо ли, чтобы ненависть в семье была такой ожесточенной и такой упорной, чтобы члены этой самой семьи отказывали себе в том, что они даруют чужеземцам?!

Длинный рыжий сержант принадлежал к категории людей, всегда готовых поставить к стенке сторонников вражеской партии. В толпе ополченцев нашлись охотники попасть в расстрельную команду.

Они уже хотели увести с собой молодых метисов.

– Дайте нам похоронить нашего отца! – с достоинством произнес Жан.

– Господи благослови! – завопил сержант, опьяневший от бренди, что никак нельзя считать смягчающим обстоятельством. – А дикари кобелятся!.. Об этом не беспокойся! Вас похоронят всех четверых вместе, если это доставит вам удовольствие.

И в то же мгновение он направил свое ружье на Жака, стоявшего ближе всех. Сержант явно намеревался раскроить в упор череп метиса. Его палец искал спусковой крючок, вот-вот должен был последовать выстрел.

Внезапно, запыхавшись, появился человек, также одетый в форму регулярной армии. Он растолкал собравшихся и поднял вверх ствол карабина. Пуля задела стену, отбив кусок штукатурки.

– Сержант! – негодуя закричал вновь прибывший. – Вы только что пытались совершить подлость.

– По какому праву, – высокомерно ответил унтер-офицер, – вы мешаете мне исполнить справедливое наказание?

– Верно!.. Верно!.. – поддакнули многие из ополченцев. – Справедливое наказание!.. Сержант прав.

А сержант, почувствовав поддержку, продолжал с нарастающим гневом:

– Эти дикари грабят, воруют, поджигают, убивают, снимают скальпы...

– Ложь! – прервал его человек, защитивший метисов. – И вы хорошо знаете, что вот такие люди, в интересах своего собственного дела, никогда не допускают тех преступлений, которые обычны для индейцев.

– Это не имеет значения!

¹⁹ Фут – единица длины в англо-американской системе мер; соответствует 30,4 см в метрической системе.

– Да разве они сами не индейцы наполовину... бунтовщики против правительства... Прочь с дороги, дружок, освобождай место! А вы, солдаты, стреляйте по этим подонкам!

Но ополченец, вместо того чтобы посторониться, бросился к Жану, Жаку и Франсуа; их удивительная стойкость нисколько не поколебалась.

– Ну что ж! – воскликнул он в порыве негодования. – Тогда стреляйте и в меня! Убейте меня вместе с ними, потому что, пока я жив, клянусь вам, с их головы ни волоска не упадет.

Естественно, сержант не собирался уступать. В Канаде, как, впрочем, и везде, власть вышестоящего начальника, в особенности, если это младший командир, не может и не должна колебаться, а его мнения – считаться ошибочными.

Благородный поступок солдата стал примером для нескольких ополченцев, но большинство проявляло к ним открытую враждебность. Защитник метисов опасался, что его оттеснят силой, и тоскливо озирался, не придет ли откуда-нибудь подмога. Радостный крик вырвался у него из груди при виде двух мужчин, также выбиравшихся из прохода с разлетавшимися во все стороны искрами и головешками.

– Ко мне!.. Стивен... Ко мне... Питер!

Те сразу же узнали человека, выкрикнувшего этот отчаянный призыв.

– Эдуард!.. Эдуард Мидлтон... и наши метисы!..

Они поспешили на помощь, отталкивая солдат направо и налево, и присоединились к своему другу.

У них хватило времени только на один короткий вопрос:

– Что случилось, Эдуард?..

– А вот что, – ответил до предела раздраженный защитник метисов. – Посмотрите только на этих молодых людей, которым мы обязаны жизнью... Под предлогом репрессий солдаты хотят убить их!.. Этот сержант... он пьян или с ума сошел...

– Я выше вас по званию... Приказываю вам подчиниться...

– А я... Я кричу в полный голос: это вы – дикари!.. Вы, победители, хотите уничтожить беззащитных людей. Если это вы называете цивилизацией, мне становится стыдно за английский флаг.

И не обращая внимания на ропот, заглушавший его слова, отважный ополченец повысил голос.

– Поскольку вопрос гуманности вас не касается, позвольте мне, по крайней мере, воззвать к вашему чувству справедливости. Несколько минут назад, в самый разгар битвы, мои друзья и я оказались в плену у этого старика и его скорбящих детей... Им суждено было вынести измену и поражение... И вместо того, чтобы выместить на нас вполне понятную в таком случае ярость, они великодушно даровали нам свободу!.. И среди этих дикарей не нашлось ни одного – слышите: ни одного! – человека, кто бы оспорил такое решение... В свою очередь, я требую для них невредимости и свободы. Со своими друзьями я вношу за них залог; мы отвечаем жизнью за жизнь. Если среди вас найдется кто-то, кому не достаточно гарантии Эдуарда Мидлтона, племянника и приемного сына генерала, пусть скажут мне это прямо в лицо.

Взволнованный голос ополченца, его благородные слова, решительность, поведение двух его товарищей, а также уважаемое имя командующего этой маленькой армии победили последние сомнения.

Сержант, не осмеливаясь больше противостоять желанию простого солдата, оказавшегося родственником известного военачальника, повесил ружье на плечо и, что-то бормоча сквозь зубы, удалился.

Его уход привел к полному распаду группы. Солдаты рассеялись, победа осталась за Эдуардом. У церкви остались только Буа-Брюле и ополченцы. Они обменялись крепкими

дружескими объятьями, после чего Мидлтон добавил, чтобы закончить этот драматический инцидент:

– Вот теперь вы сможете отдать последний долг своему отцу. Мы останемся с вами, и наше присутствие послужит вам как бы охранным свидетельством. Наш долг уплачен, но мы еще не поквитались.

Поскольку мы познакомились и научились уважать друг друга на поле боя... поскольку враждебность между такими людьми не имеет смысла... не считаете ли вы, что верная, искренняя дружба должна прийти на смену прежним несправедливым предрассудкам?

– Мы рады этому всем сердцем, – ответил за всех старший брат Жан, крепко пожав руку Эдуарда. – Отныне мы – ваши друзья и навсегда ими останемся. Если бы эта привязанность, которая никогда не угаснет, могла предвестить союз всех тех, которым ненависть, возникающая из-за трагического недоразумения, принесла столько зла.

Часть первая Месть за отца

Глава 1

В Америке, где время больше, чем когда-либо и где-либо, преобразуется в деньги, нет мелочной экономии. Быстро приходится не только действовать, но еще и говорить. И вот янки²⁰, пропитанный этой истиной, принимается коверкать вдоль и поперек грамматические правила родного языка и привычные значения слов.

И правда: для чего нужны пространные выражения, загромождающие и затягивающие беседу, если их можно заменить парой слов? Если же слов не хватает, надо создать новые. Что за прекрасная штука – придумывать слова для людей, создавших трансконтинентальную железную дорогу!

Вот вам пример, навеянный мыслями о железной дороге.

Два поезда мчатся на всех парах по одному пути. В результате чудовищной катастрофы вагоны сталкиваются и буквально врезаются друг в друга. Подобную катастрофу обычно описывают при помощи имен существительных, глаголов, прилагательных и прочих грамматических форм, заимствованных в языках различных стран.

Спешащий куда-то американец расскажет об этом одним-единственным словом, заменяющим даже самое сжатое описание несчастья. Он просто скажет: два поезда телескопировали... то есть вошли один в другой подобно тому, как объектив входит в тубус подзорной трубы или телескопа. Возможно ли сказать лаконичнее и выразительнее? Разве слово «телескопировали» не сообщает обо всем, включая сплюснутых, словно насекомые, пассажиров?

В другом случае янки не скажет, что город расширяется, а число его жителей растет. Это было бы невыносимо долго для человека, рассказывающего одним словом о столкновении поездов. Он говорит, что такой-то и такой-то город boom. Английское слово boom означает буквально «за краем». Так называются маленькие стержни, которые применяют для того, чтобы удлинить рей; с их помощью можно поставить на мачтах дополнительные паруса. Таким образом, неологизм boomer, заимствованный из морского словаря, означает «увеличивать длину рея». Его значение расширили на все случаи быстрого расширения, крупного успеха, повального увлечения. Стали употреблять слово boomer по отношению к растущим городам, действиям, пилюлям, газетам, нефтяным скважинам...

Более того, это странное слово было усвоено канадцами, оно проникло во французский язык, им пользуются в ежедневной прессе. Газетчики используют его до такой степени, что нередко можно прочесть у них такие вот фразы: «Можно утверждать, что иммигранты бумерили в этом году в таких-то и таких-то местах».

Итак, первого июня 1885 года, то есть через три недели после только что описанных событий, разнеслась весть, что Хелл-Гэп переживает бум. Хелл-Гэп, или Адское Ущелье, был пионерским поселением Большого Запада, расположенным в то время на 99° долготы к западу от Гринвича и 48° северной широты, в пяти километрах севернее Чертова озера, на берегу Дурного Потока.

²⁰ Янки – изначально прозвище жителей Новой Англии, шести северо-восточных штатов США, впоследствии перешедшее на всех англоязычных граждан страны.

Не ищите это поселение на карте. После того как оно не раз переживало то строительный бум, то упадок, после того как оно дважды выгорало, Хелл-Гэп переместился на десять льё²¹ к востоку и теперь носит название Девилс-Лейк-Сити, то есть Город-у-Чертова-озера.

Так вот, к первому июня 1885 года Хелл-Гэп, простой шахтерский кэмп²², или, выражаясь на общепонятном французском языке, скопище палаток и деревянных бараков, стремительно перешагивал со дня на день свои границы – так река в наводнение наступает на берега.

Городок был очень удачно расположен. Он находился на территории Соединенных Штатов, всего в восьмидесяти километрах от канадской границы и в ста сорока километрах от железной дороги, связывавшей Виннипег с Миннеаполисом и всей сетью американских железных дорог. Кэмп быстро стал городом, предназначенным, как казалось, самой судьбой для скороспелой удачи.

Оборванные палатки и отвратительные, крытые дерном лог-хаусы – дома из сырых бревен – уступили место каркасным домам, что предполагало определенный комфорт. В городке проложили пять или шесть просторных авеню по семьдесят метров шириной; их пересекали под прямым углом двадцать улиц, каждая по двадцать метров в ширину. В городе появились банк, три церквушки, дворец правосудия, четыре гостиницы и бесконечное множество салунов²³, в которых бессовестные соблазнительщики продавали по цене золота возбуждающие снадобья, столь дорогие глоткам янки.

Таким вот образом Хелл-Гэп, всего два месяца назад насчитывавший не более пятисот жителей, не имевших порой самого необходимого, вырос в двухтысячный город, живущий в относительном изобилии. И если верна новость о высоком содержании золота в аллювиальных песках Дурного Потока, то к концу года число жителей достигнет десяти тысяч.

И теперь уже не знаешь, где остановится этот столь хорошо начавшийся «бум», потому что край, в котором исчерпается золото, будет весьма благоприятен для скотоводства, как и все равнины Дакоты вообще.

А между тем, если большая часть жителей кажется очарованной благосостоянием, выражающимся крупной суммой звонких долларов, в городе остается некая категория людей, которых новое положение дел совершенно не восторгает.

Когда-то, несколько недель назад, в добрые времена лог-хаусов, Хелл-Гэп был излюбленным местом нелегалов, прибывавших, с одной стороны, из-за канадской границы с открытым счетом у шерифа, с другой – джентльменов, имевших на востоке США трения с мадам Юстицией и очень охотно встречавшихся здесь с коллегами из «Державы». Виртуозы ножа и огнестрельного оружия, обанкротившиеся и в очередной раз улизнувшие от полиции, обосновывались здесь как на нейтральной территории в пределах досягаемости обеих границ, работали, если не могли устроиться по-другому, пили, когда доставали хотя бы несколько крупинок золота, играли по-крупному, когда промывка песков приносила удачу, и охотно убивали друг дружку, когда пьяный чад в барах туманил мозги и зажигал кровь.

Здесь не было другого закона, кроме доброй воли, опиравшейся на надежный нож Боуи²⁴ и револьвер Кольта, появлявшийся при надобности из заднего кармана брюк.

И вот вдруг люди, пришедшие неизвестно откуда и, конечно, не отличающиеся в лучшую сторону от первых поселенцев, загорелись странной фантазией изменить эту органи-

²¹ Льё – старинная французская мера длины; в XIX веке льё обычно приравнивали к четырем километрам.

²² Кэмп (*англ.* camp) – лагерь; временное поселение.

²³ Салун – традиционное название баров, существовавших на американском Диком Западе во времена его освоения в XIX в. белыми колонистами, охотниками, рудоискателями, авантюристами.

²⁴ Нож Боуи – крупный нож длиной до 76 см с особой формой клинка, на обухе которого выполнен скос, имеющий форму вогнутой дуги; острие клинка направлено немного вверх. Другая характерная особенность ножа – развитая крестовина (гарда). Нож назван по имени изобретателя Джеймса (Джима) Боуи, разработавшего это оружие в 1830 г.

зацию или, скорее, отсутствие организации, представляющее собой эдакий милый образчик анархии.

Они задались целью всё привести в порядок, и притом в такой порядок, что придется платить за съеденное и выпитое в салунах иным образом, чем выстрелом из револьвера, что хозяевам гостиниц захочется увидеть цвет долларов у клиента, что недостаточно одной принадлежности к почтенному классу *desperados*²⁵, чтобы требовать для себя бесплатного приюта и выпивки.

По инициативе этих совестливых и самоуверенных граждан сформировался комитет бдительных. Эти-то бдительные вооружились законом и стали использовать его примитивным, но радикальным образом. При малейшей попытке нарушения этого так называемого Закона комитет, представленный вооруженными до зубов людьми в масках, отыскивал и хватал преступника, набрасывал ему на шею веревку и подвешивал его на первом попавшемся дереве или на изоляторе телеграфного столба. Иногда нарушителя могли сбросить с моста через Дурной Поток, предварительно затянув под подбородком петлю-удавку.

Если бы еще там был и шериф! С ним можно было бы договориться, потому что в Америке нет должностного лица, способного противостоять щедрым чаевым.

И вот шериф появился. Отличный парень, конечно, да по какой-то случайности неподкупный!.. А это уже беда. Может, он слабак? Надо его испытать.

Сказано – сделано. Исполнение этого удивительного проекта, возникшего в мозгах полудюжины мошенников, нельзя было откладывать! Под руководством конокрада Боба Кеннеди, каким-то чудом избежавшего до той поры бдительных, они ограбили салун, хозяин которого не выказал к ним достаточного почтения. В салуне разбили зеркала, выстрелами из револьверов продырявили бочонки с виски; их содержимое вылилось на пол, а потом ручейками вытекло на улицу; в конце концов, приставив нож к горлу хозяина, бандиты вынуждали его ссыпать содержимое кассы в руки мистера Боба Кеннеди.

Торговец медлил, отбивался, пытался воспользоваться какой-нибудь уверткой и выиграть время, чтобы спасти выручку.

Слегка разнервничавшийся Боб решил слегка пощекотать лезвием хозяина на уровне адамова яблока, стараясь подходчивее донести до его сознания свои доводы. Но донес он не доводы, а окаянный клинок, проникший до самого позвоночника.

Владелец бара хрипло вскрикнул и упал замертво у ног Боба.

– Я не нарочно!.. – удивился такому трагическому исходу Боб. – Странно, какими неженками могут быть люди!

После такого надгробного слова, напрочь лишенного приемов красноречия и риторических формул, содержимое кассы перешло в руки членов ассоциации. Заканчивая операцию, Боб, никогда не исчерпывавший своих средств, зажег спичку и бросил ее в ручеек струившегося по полу виски. Внутренность бара вспыхнула, словно пунш в колоссальной чаше, труп хозяина обгорел, дом занялся пламенем, примчались, чертыхаясь, бдительные, надеясь отплатить негодяям за новое злодеяние.

Боб и его друзья укрылись в соседнем салуне, естественно, конкуренте сгоревшего, двери которого были гостеприимно открыты. Они забаррикадировались и открыли огонь по бдительным, серьезно ранив многих из них. Наконец появился и шериф, единственная легальная и официально признанная личность.

Он отважно приблизился к запертой двери и сказал:

– Боб, мальчик мой! Именем закона предлагаю: сдавайся!

– Я это и хочу сделать... Ради бога! Только почему вы, шериф, говорите от имени закона, а присылаете бдительных, создание которых и их действия незаконны.

²⁵ Desperado (*исп.*) – разбойник; преступник; головорез (буквально: «отчаянный»).

– Даю вам слово: вас никто не тронет.

– Хорошо!.. Мы сдаемся... Подойдите к нам и предупредите этих пройдох, что при первом подозрительном жесте с их стороны мы разнесем вам череп.

Путь от бара в здание суда совершился беспрепятственно; бдительные, разумеется, вскоре захватили семь преступников. Но те очень рассчитывали на слово шерифа, который должен передать их невредимыми судье.

В Хелл-Гэпе пока еще не было тюрьмы, и шериф вынужден был поместить своих пленников в свой кабинет, расположенный на втором этаже здания суда. Кроме того, он боялся, как бы бдительные не пришли ночью и не похитили пленников, чтобы повесить их на телеграфных столбах, и оставил бандитам револьверы; в случае надобности пленники могли бы защищаться.

Наконец, сознавая, что кабинет не создан для преобразования в столовую, шериф с утра стал уводить пленников дважды в день на трапезу в соседний отель, исключая, естественно, Боба, закованного в кандалы как самого опасного.

В течение трех дней всё шло хорошо, но тут шерифу пришлось по служебной надобности отлучиться из города. Арестованных он доверил двум своим друзьям по имени Роберт Оллинджер и Уильям Бонни, наказав им, разумеется, быть крайне бдительными²⁶.

Проникшись важностью этого задания, Оллинджер нарочито открыто зарядил свою охотничью двустволку и даже предупредил Боба, что в каждый ствол он засыпал по 18 крупных дробин.

Наступило время завтрака. Оллинджер прислонил ружье к стене и повел в ресторан своих подопечных, оставив наедине с Бобом Уильяма Бонни, занявшегося чтением газеты, пока Бобу не принесли завтрак.

А Боб после ареста заскучал и ждал случая распрощаться со зданием суда. Проявив настоящие чудеса терпения и сноровки, он смог освободиться от одного из наручников и обрушил на голову Бонни свой здоровый кулак, прервав занимательное чтение. Прежде чем ошеломленный Бонни добрался до двери, он получил пулю между лопаток и рухнул на пол, тогда как Боб, совершив свой подвиг, вооружился двустволкой, распахнул окно и застыл в ожидании.

В отеле слышали звук выстрела, и Оллинджер выскочил наружу.

– Хэллоу, Боб, дорогой мой тезка! – крикнул Кеннеди с балкона.

Роберт Оллинджер поднял голову и увидел арестанта.

– Вот ваше ружье! Узнаете?.. Теперь вы видите, мой бедный Роберт, что, заряжая ружье, не знаешь, на кого работаешь... И вот вам доказательство!

Раздался двойной выстрел, и несчастный упал на землю с простреленными почками.

В это время товарищи Боба по заключению спокойно выходили из отеля. Один из них отправился к кузнецу за напильником и передал его Бобу. Тот воспользовался им и освободился от наручников. Другой взял лошадь окружного секретаря, надел на нее сбрую, подвел к зданию суда и принялся ждать, когда Боб закончит свои приготовления.

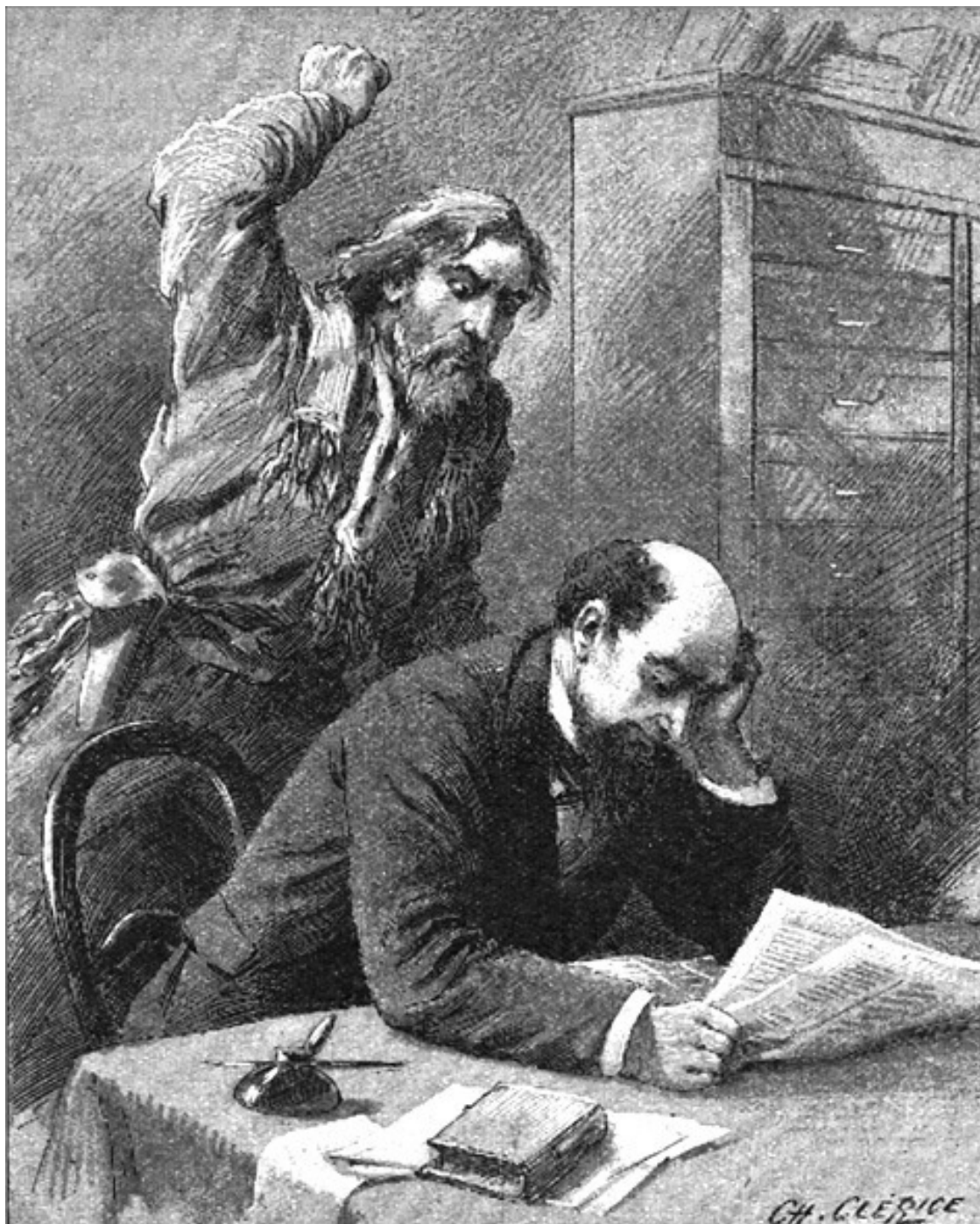
Кеннеди в это время выбрал среди оружия шерифа винчестер и два револьвера, спустился на площадь, пожал руки своим приятелям, вскочил на лошадь, вежливо поприветствовал собравшихся и ускакал галопом, выкрикивая: «Да здравствует Боб Кеннеди!»

Именно в этот момент появился отряд замаскированных бдительных, похожих на опереточных карабинеров. Боб полагал уже, что спасся, но случилось неожиданное, особенно для такого несравненного всадника, каковым он был.

²⁶ Считаю полезным заметить читателю, что эта история абсолютно правдива; о ней сообщается в прекрасной работе барона де Грансея «В гостях у дяди Сэма» (Le baron de Grancey «En visite chez l'oncle Sam»). – *Примеч. автора.*

Его лошадь оказалась очень пугливой. На нее накинулась какая-то собака, и лошадь встала на дыбы. Но задние ноги у животного внезапно отнялись, и оно опрокинулось, придавив Боба. Тот даже дыхание не успел перевести.

Происшествие это случилось в пятистах или шестистах метрах от города, в абсолютно пустынном месте, на левом берегу Дурного Потока, прямо под телеграфной линией, связывавшей золотоносные участки с соседней конторой.

Здоровенный кулак прервал занимательное чтение

Бдительные, преследовавшие беглеца только ради спасения собственной репутации, увидели падение лошади. Они помчались к этому месту, заметили Боба, лежавшего без сознания под скакуном. Бандит при падении повредил ногу.

Схватить потерявшего сознание беглеца было нетрудно. Потом один из преследователей, не теряя времени, размотал длинную веревку, подвешенную к ленчику седла²⁷. Один конец веревки он прицепил к своему поясу, вскарабкался на телеграфный столб, зацепил другой конец за держатель изолятора и спустился вниз.

Потом на свободном конце веревки он сделал петлю-удавку и накинул ее на шею Боба Кеннеди, по-прежнему не приходившего в сознание. Четверо мужчин ухватились за другой конец веревки и изо всех сил потянули тело бандита вверх.

Глава 2

– Думаю, братья, мы скоро приедем. Не так ли?

– Так, малыш Франсуа.

– Поскольку дороги нет, мы едем по телеграфным столбам. Они указывают нам направление на Хелл-Гэп... Ошибиться мы не можем.

– Боже мой! Как долго!

– Устал, котенок?

– Ты смеешься надо мной, Жан, и ты тоже, Жак. Вы хорошо знаете, что я никогда не устаю... Впрочем, как и вы. Я просто хочу поскорее попасть в лагерь шахтеров и начать наконец-то нашу кампанию.

– Терпение, брат! – прервал его Жан.

– Оно больше тебе подходит, спокойный папаша...

– Нужно терпеть, если хочешь добиться удачи. Так привык говорить наш бедный отец... Именно в терпении сила индейцев. Мы, метисы, должны обладать им в большей степени, чем наши сводные братья белые...

– Жан прав, – вмешался в разговор Жак, до той поры молчавший. – Терпение должно заменить опыт, которого нам еще долго будет не хватать.

– У нас ужасно трудная задача. Нам надо искать иголку в стогу сена, как сказано в старинной французской пословице.

– ...И найти ее!

Франсуа немного приподнялся в своих широких деревянных стремянах, развернулся в седле, приложил ладонь козырьком ко лбу и добавил:

– Что за чертовщина! Что там виднеется на верхушке телеграфного столба?

– Мне кажется, это – человек...

– Повешенный!

– Значит, – продолжал Франсуа без тени ехидства, – мы оказались в цивилизованной стране.

При этих словах трое братьев ускорили аллюр своих крупных и крепких канадских полукровок, перейдя на резвую рысь. Спустя десять минут братья оказались под телеграфным столбом, на верхушке которого болтался в петле Боб Кеннеди.

Легкий ветерок был вполне достаточен для того, чтобы заставить подрагивать провода, словно струны гигантской эоловой арфы²⁸, и покачивать тело повешенного так, что оно казалось еще живым. Эта видимость настолько поразила юных странников, что они остано-

²⁷ Ленчик – основа седла, состоящая из двух деревянных дощечек, соединенных на концах металлическими дужками (скобами).

²⁸ Эолова арфа – то же, что воздушная арфа: известный еще с античности звуковой инструмент, не требующий участия музыканта-исполнителя, состоящий из деревянного ящика, или резонатора, и натянутых в нем струн числом от 4 до 48. Под влиянием ветра струны колеблются и издают звуки различных высоты и тембра. Эоловы арфы обычно размещали на крышах зданий, в оконных проемах, в парковых беседках-ротондах и гротах.

лись, задрав головы, сощутив глаза и открыв рты, безмолвно вопрошая друг дружку, что им следует сделать.

– Ей-богу, – сказал Франсуа, склонный к принятию быстрых решений, – надо снять его со столба. Если он еще жив, попытаемся привести его в сознание; если же он мертв... мы, по крайней мере, исполним свой долг, попытаюсь вернуть к жизни человеческое существо.

– Это ты предлагаешь, малыш Франсуа, – отозвался Жак.

– Делай как хочешь, вот только мы можем попасть в неприятную историю в этой стране, – высказался Жан, природная терпеливость которого, казалось, смешивалась с разумной дозой осторожности.

Франсуа, недолго думая, направил свою лошадь к основанию столба, встал на стремянах и, даже позабыв о перекинутом за спину винчестере, полез по столбу, используя, как хороший акробат, силу своих рук и ног.

Он приблизился к железному держателю изолятора и оказался лицом к лицу с покойным Бобом. Огромные глаза повешенного были открыты, а изо рта выступал жуткий фиолетовый язык.

– Да он еще теплый! – удивился юноша.

– Тогда его надо снять со столба, – заявил Жан, присоединившийся к ранее выраженному мнению младшего брата.

– Вербка внизу завязана узлом. Пусть кто-нибудь из вас развяжет этот узел и потянет веревку... Джентльмен не грохнется с лету, а потихоньку соскользнет.

Жан расстался с седлом и выполнил указания брата. В результате мистер Боб Кеннеди покинул воздушное пространство и оказался без толчков и сотрясений у подножия своей виселицы.

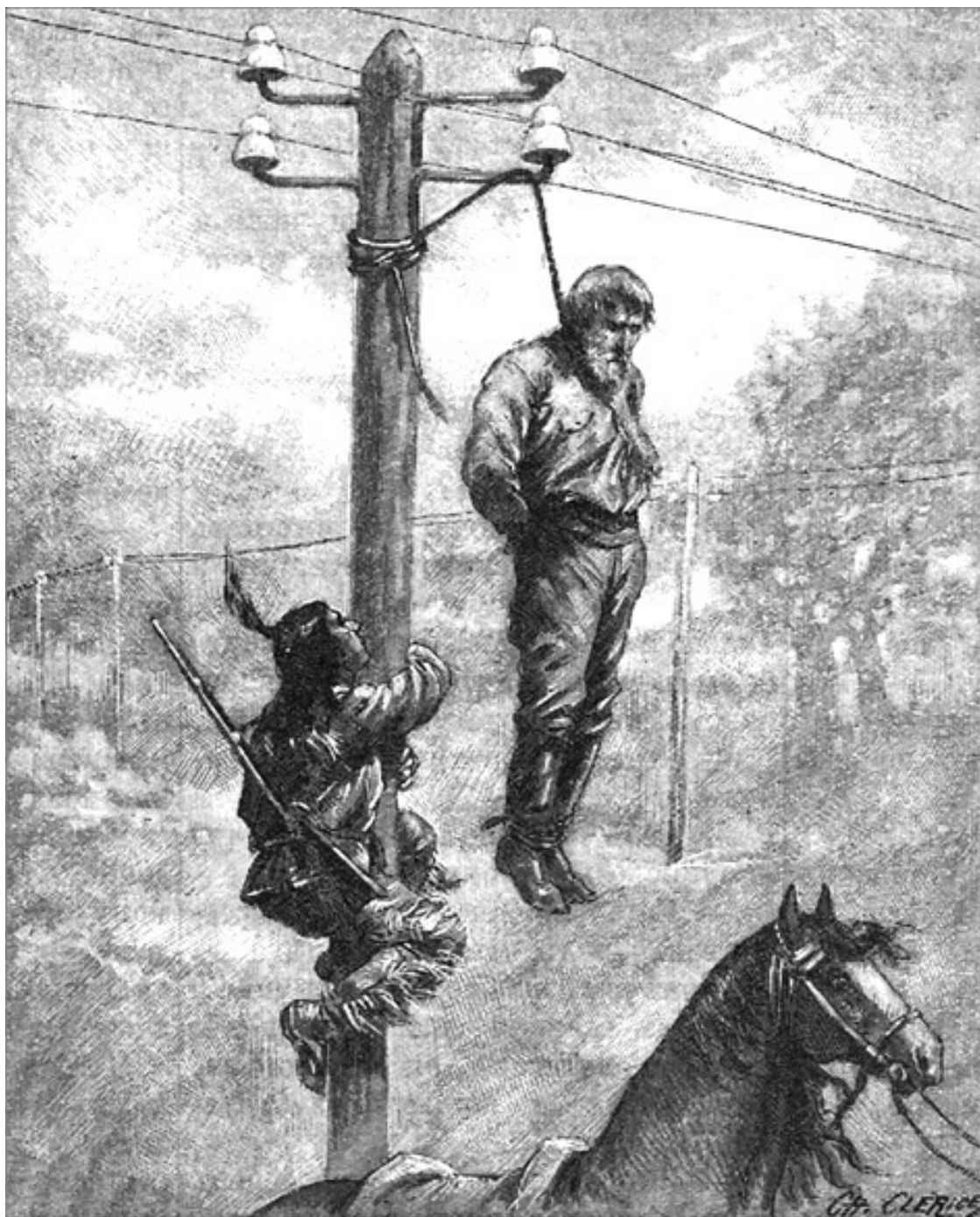
– И правда: джентльмен еще живой, – проговорил Жан, в то время как Франсуа соскальзывал со столба.

Лесных и степных бродяг, привыкших, как наши молодые люди, к различным происшествиям в своей полудикой жизни, никогда не пугают обмороки. Джентльмена, или – как иронически говаривал один из жителей Центральной Франции – «монсьё», быстро раздели до пояса и положили на землю.

– Надо его растереть, и посильнее! – сказал Жак, тогда как Жан тщательно разглядывал веревку. – Это восстановит циркуляцию крови.

Вечно торопящийся Франсуа принялся так энергично растирать грудь повешенного, что она вскоре местами покраснела.

– Эй, старшой! – обратился Жак к занятому изучением удавки Жану в ожидании момента, когда надо будет сменить Франсуа. – Что там тебя так заинтересовало?

– Да он еще теплый!

– Да ничего... Просто я думаю, что работу сделали плохо. Веревка совсем новая и не намылена... Узел слишком широкий... Джентльмену повезло...

– Твоя очередь, Жак! – прервал их запыхавшийся Франсуа. – Я больше не могу! Уфф!.. Франсуа выдержал минут десять, Жак продержался четверть часа.

– Лошадиная работа, – сказал он в комическом запале, – а он не шевелит ни ножкой, ни лапкой. И тем не менее он покраснел, как лис с содранной шкурой.

– Если с тебя хватит, малыш, я сменю тебя.

– Давай! И попробуй сделать лучше... Что же до меня, то я всю ладонь чуть не стер.

Жан весьма добросовестно растирал Боба минут двадцать, притом так неистово, что даже вспотел. К пациенту начала возвращаться жизнь.

– Ну вот... Уже добрых три четверти часа мы работаем так, будто нам платят по двадцать пять франков в день, а на него это действует, как пластырь на голенище сапога.

– Минуточку, малыш!.. Я не ошибся... Он вздохнул.

– Не может быть!..

– Я не ошибся... Он дышит... но не сильно.

– В него надо что-нибудь влить...

– Глоток сливовой водки... У меня немного осталось во фляжке.

– Есть кое-что получше: поджечь волосок трута между пальцев рук или ног... Мертвого поднимет.

Сказано – сделано. Четыре – пять ударов огнива по куску кварца, трут воспламенился и в ту же минуту трещал между пальцами джентльмена, стянутыми концом той самой веревки, на которой его подвесили.

Одновременно Франсуа силой влил в рот вынутому из петли полпинты²⁹ самогона.

Вопреки всяким разумным в подобных случаях ожиданиям, у пациента проявились весьма ускоренные глотательные движения, сменившиеся усвоением.

– Братя, сивуха прошла; она спускается в желудок! – радостно крикнул Франсуа.

А в то же время кожа задымилась и трескалась с тошнотворным запахом поджариваемой плоти. Инертное до той поры тело зашевелилось и содрогнулось, потом внезапно последовала реакция.

У Боба вздулись вены на шее и лбу; он вырвался от своих грубых спасателей, брыкаясь, словно ему в тело вонзились все батареи хелл-гэпского телеграфа; потом он упал, замер в сидячем положении и разразился крепчайшими ругательствами разбушевавшегося матроса. В этом потоке безадресной ругани можно было различить лишь одну разумную фразу.

– Чертово отродье!.. Эти негодяи сожгут меня живьем!

– Не увлекайтесь, джентльмен, – примирительным тоном заговорил Жан и широко улыбнулся, довольный полученным результатом. – Мы – друзья... Если бы мы не были ими, то не сняли бы вас оттуда, со столба, куда вас подвесили... Вот доказательство: веревка...

– Повесили!.. Меня!.. Черт меня побери, если я что-либо помню...

– Да!.. Есть в жизни события, о которых не хочется вспоминать.

Остолбеневший (так, по меньшей мере, должно было случиться) мистер Боб с любопытством изучал троих молодых и добрых гигантов с бронзовыми лицами, честными глазами и симпатичными чертами; он разглядывал их одежду из оленьей кожи, украшенную по швам бахромой, их длинные волосы, их содержащееся в хорошем состоянии оружие. Боб смотрел и рылся в памяти, но не мог вспомнить этих юношей.

– Вы зря напрягаете память... Вы нас не знаете. Нас трое братьев... канадских метисов... Дела привели нас в Хелл-Гэп, и вы были первым жителем этого городка, которого мы встретили... Правда, вы немного высоко забрались.

Тогда нам захотелось вернуть вас к жизни... И это нам удалось! Может быть, мы употребили несколько болезненные средства, но это было вынужденным, потому что без них вы бы уже погибли.

– Я ничего не помню! Я скакал на лошади... Она упала и придавила меня... Я потерял сознание и... вот очнулся среди вас.

– Пока вы были без сознания, вас повесили... Возможно, ваше беспмятство вас и спасло...

– Как бы там ни было, парни, я вам обязан. У вас есть полное право на мою признательность... Слово Боба Кеннеди, а это – мое имя! И поверьте мне, признательность Боба

²⁹ Пинта – мера объема в англо-американской системе мер; английская пинта соответствует 0,568 литра, американская («жидкая») пинта – 0,473 литра.

Кеннеди немало стоит... Подвернется случай, и я вам это докажу, вы мне только скажите. Пусть даже речь пойдет о том, чтобы арестовать президента страны, я доставлю его вам.

– О! – ответил Жан. – Вы сильно переоцениваете услугу, которую мы оказали бы любому другому человеку.

– Я оцениваю истинную ее стоимость и ничего не даю сверх этой оценки. Итак, отныне и впредь: ваши друзья – мои друзья, ваши враги – мои враги, и, чем бы вы ни занялись в дальнейшем, вы найдете во мне сильного помощника, мой дорогой месье... месье... Как вас зовут?

– Жан.

– Жан... и?

– Мы – сыновья Жана-Батиста де Варенна, больше известного по прозвищу Папаша Батист, одного из помощников Луи Риэля...

– Значит, вы – герои обороны Батоша... Все газеты Штатов рассказывали о ваших подвигах... И даже «Хелл-Гэп Ньюс» целых две недели писал про вас.

– Мы сделали то, что смогли; к несчастью, то дело нам не удалось.

– Но еще не всё потеряно; Луи Риэль пока держится...

– Но и его ресурсы вот-вот закончатся; его маленькая армия тает с каждым днем.

– А могу я узнать причину... вашего появления в здешних краях?

– Братья, – обратился к младшим как всегда осторожный Жан, – можно сказать об этом джентльмену?

– Ты можешь это сделать, брат; нам ведь нечего скрывать.

Жан продолжал:

– Хотелось бы знать, способен ли мистер Боб Кеннеди...

– Зовите меня просто Бобом. Я предпочитаю такое обращение.

– Хотелось бы знать, способен ли Боб меня выслушать. Он только что с трудом двигался после почти смертельного испытания... Возможно, ему хочется пить и есть... И потом. Что если тем, кто его повесил, захочется посмотреть, чем закончилось дело.

– Не часто случается, что человека вешают два раза в день, – сказал в ответ Боб, интерпретируя на свой лад юридическую формулу *non bis in idem*³⁰. Что до голода, жажды, переживаний, то я это перетерплю, как настоящий ковбой. Впрочем, я только что позавтракал перед... происшествием.

– Тем лучше. Тогда начну. Наш отец был фермером, как говорят у нас, в окрестностях Батоша, в округе Саскачеван, канадской территории Манитоба. Он жил, как ему нравится, и работал вместе с нами изо всех своих сил. Его прадедом был француз, дворянин из провинции Орлеанэ. Земли, обрабатываемые нами, отец получил по наследству. Никогда никто не уведомлял его, что эти земли, распаханые Жаном-Батистом де Варенном, первым в нашем роду, не принадлежат его потомкам. Распашка земель и вековое владение ими равноценны документам, не так ли?

Но однажды пришли подданные английской королевы – из тех, что обрядили нашу старую Канаду в смешной наряд Доминиона. И эти люди, предков которых мы не знали, имели наглость претендовать на наши земли, политые потом наших предков, да и нашим тоже.

Сначала подобные претензии нам показались смешными. Но смех закончился, когда они пришли в большом количестве и заняли наши имения силой. Мы сняли со стены винчестеры, оседлали полукровок и дали бой англичанам... Вот и всё, что я хотел вам сказать.

³⁰ *Non bis in idem* (лат.) – формула римского права: «Нельзя дважды карать за один проступок», что интерпретируется следующим образом: «Никто не должен дважды нести наказание за одно преступление». Эта формула стала одним из основных положений современного уголовного права.

– Bravo! – крикнул восхищенный американец.

– Но эти люди... Они как дурная трава... Чем больше ее выдираешь, тем обильней она прорастает опять. На место первых пришельцев явились сотни и сотни... потом тысячи, а в поддержку себе они привели армию. Тогда-то нашим вождем и стал Луи Риэль. Он организовал сопротивление людям королевы и повсюду начал бить их. К несчастью, Батош был нами потерян из-за измены негодяя, продавшегося за деньги...

– Ах! Довольно! – воскликнул Жан с неожиданным пылом, так резко контрастировавшим с его обычным спокойствием. – Я не могу говорить об этом без дрожи... У меня перед глазами встает кровавая пелена.

Подлец боится мести. Он пытался взорвать нас троих, потом, в тот самый момент, когда Батош был занят врагами, приведенными им, он трусливо, в спину убил на площади нашего отца.

– Господи, спаси! – возмущенно взревел Боб. – Такого негодяя я охотно бы скальпировал.

– Мистер Боб! Десять тысяч долларов, которые он нам должен, будут вашими, если только вы сможете свести нас с ним.

– Жан, да я сделаю невозможное, чтобы это осуществилось! Даю слово настоящего мужчины. Только говорю вам раз и навсегда: не напоминайте мне больше о деньгах. Вы хотя бы знаете, куда подевался этот мошенник?

– Мы знаем его путь до Виннипега, где он держал свои деньги. Он сильно разбогател на кражах и предательстве. Из Виннипега он уехал на поезде к канадской границе, в Эмерсон, но его не видели на американской границе, в Сен-Венсене, где он хорошо известен.

Охотники с Красной реки³¹ встретили его верхом на коне в сопровождении двух неряшливо одетых мужчин. Потом мы потеряли его след и нашли его только в Графтоне. Мы не уверены, можно ли его принять за человека, который переправился через Сарк-Ривер и оказался в Хелл-Гэпе... Прошло уже восемь дней, как видели человека, примерно отвечающему описанию нашего врага. И это всё! Теперь мы, сильные своей смелостью и непоколебимой решительностью, отправились на разведку в Хелл-Гэп...

– А потом? – задумчиво спросил Боб.

– Мы продолжим его искать, даже если придется перерывать всю американскую конфедерацию, даже если тогда, когда придет час мщения, наши волосы станут седыми.

– Хотите совет, Жан?

– Говорите, Боб.

– Таким путем вы его никогда не найдете. Вы только потеряете время, все ваши усилия будут бесполезными. Позвольте узнать, богаты ли вы?

– У нас на всё про всё – тысяча долларов.

– Это – мелочь, если только вам не поможет случай. С другой стороны, вы молоды... очень молоды, все трое. Вы еще страшно зелены, чтобы браться за дело так, как к этому привыкли люди в моей проклятой стране. Но!.. Вы мне нравитесь. Я обязан вам жизнью, хотя она временами бывает не такой уж забавной... Мне двадцать пять лет; я вел достаточно беспорядочную жизнь, чтобы вариться во всех адских котлах... Моим опытом был бы доволен столетний старик. Я вам помогу. Поехали в Хелл-Гэп!

– А если вам опять доведется быть...

– Повешенным? Ну, это мы еще посмотрим!..

³¹ Красная река (англ. – Ред-Ривер, фр. – Ривьер-Руж) – река, начинающаяся на севере США и впадающая в озеро Виннипег на территории Канады; ее общая длина – 880 км, длина канадской части – 175 км. Первые поселения белых основаны в 1738 г. французами, которыми руководил Пьер Готье де Варенн, съёр де Ла Верендри. Район Красной реки был одним из центров сосредоточения франкоязычных метисов. Английскую колонию на Ред-Ривер основал в 1812 г. Томас Дуглас, пятый граф Селькирк.

Глава 3

Боб Кеннеди был полной противоположностью молодым канадцам. Такой тип часто встречается в Соединенных Штатах, до такой степени часто, что он мог бы, в случае необходимости олицетворять собою, если не считать мелких деталей, авантюриста американского Запада, перед которым отступали и разбегались индейцы.

Такие люди не имели ни постоянного места жительства, ни семьи, если отбросить туманные воспоминания о пьяных старике и старухе, ютившихся где-то в чикагских трущобах, дравшихся натошак и после пьянок, слишком ленивых, чтобы накормить своих трех-четырёх, а то и пятерых сорванцов – Боб этого в точности не знал.

Он смутно припоминал, что старика звали Кеннеди, а ему самому дали имя Роберт, фамильярно же звали Бобом.

Этим и ограничивались в его душе воспоминания о семье.

В десять лет он сбежал из родительской конуры, жил на улице и улицей, как это делали тысячи мальчишек с трудной и мучительной судьбой. Циничный и мрачный, каким неминуемо становится американский гаврош³², отвратительный «бой»³³, в сто раз хуже нашего парижского «тити»³⁴, не обделенного ни сметкой, ни выразительностью, умеющего любить, ненавидеть и загораться какой-нибудь идеей.

Потом, выполняя день за днем, то тут, то там, всякую более-менее подозрительную работу, Боб дожил до семнадцати лет, не получив других познаний о морали, кроме тех, что проповедовали судьи и полисмены. Он был измучен этой безысходной жизнью, сломен морально и физически приводящей в отчаянье периодичностью ежедневной борьбы за жизнь. Он бессознательно стремился к свободе выпущенного из клетки животного, истерзанного слишком тесными прутьями.

И это стремление было для Боба спасением.

Постепенно он стал преступником, неисправимым, постоянно находящимся во власти судей и мест заключения.

Нельзя сказать, что в его натуре было нечто особо ценное, однако совсем пропащим считать его не стоило. Он плодотворно использовал рост активности, хотя и далеко не в лучшую сторону, свое умение выбираться из повседневности, свою брутальность, вечно встающую против цивилизации.

К счастью, американские города могут избавиться от своей перенаселенности, отправив излишки жителей на огромные безлюдные просторы Дикого Запада, и каждый день сотни Бобов Кеннеди отправляются туда. Для них исход на Запад становится избавлением.

Там, в почти полном отсутствии контроля, свободная жизнь граничит с распущенностью. Цивилизация постоянно сталкивается там с варварством, и надо расчищать место для утверждения одной и отвержения другого. Для этого любые средства хороши, как и любые люди. Таковы эти губительные леса и зловонные топи, которые каторжникам надо выкорчевать и оздоровить.

Деклассированные люди охотно становятся ковбоями, иначе говоря, погонщиками почти диких стад, насчитывающих тысячи голов крупного рогатого скота. За этим богатством надо ухаживать на хозяйском ранчо³⁵, защищать его от хищных животных, а также

³² Гаврош – один из героев романа В. Гюго «Отверженные»; его имя стало нарицательным для названия уличного мальчишки.

³³ Бой (*англ.*) – мальчуган; парень.

³⁴ Тити (*арго*) – парижский сорванец, «дитя парижских улиц».

³⁵ Ранчо – обособленное поместье, хозяева которого разводят в больших размерах крупный рогатый скот; иначе – скотоводческая ферма (в США и Канаде).

от краснокожих и белокожих воров. Мы увидим в дальнейшем, в чем состоят обязанности ковбоев, требующие железного здоровья, тела, нечувствительного к усталости, клоунской ловкости, постоянной храбрости и мужества.

Деклассированные люди охотно становятся ковбоями

Именно таким человеком был Боб Кеннеди: ни лучше, ни хуже себе подобных, со своими недостатками и своими достоинствами: способный иногда на какие-то добрые порывы, не признающий разделения на «твое» и «мое», грубый, плохо воспитанный, а скорее вообще не имеющий воспитания, человек инстинкта и первого импульса, проводящий жизнь между непосильной работой и чудовищными оргиями, неслыханными лишениями и дикой расточительностью.

Немало людей он убил, или, как говорят в тех краях, *заставил светить солнце через восемь или десять человек!* Но при такой горячности в голове разве будешь разбираться кто прав, кто виноват!

Было и более серьезное дело: Боба не раз обвиняли в краже лошадей, а на границе могут охотно оправдать убийцу, но вора безжалостно повесят. Так справедливы ли были обвинения?

В этом надо разобраться.

Впрочем, первый камень в него бросил тот, кто, нуждаясь в лошади, сам позаимствовал ее у фермера, собственника двух или трех тысяч голов!

... Уже показались первые дома Хелл-Гэпа, когда Боб Кеннеди закончил рассказ о своей жизни, кратко изложенный выше.

Юные канадцы, воспитанные на принципах порядочности, глубоко религиозные, насквозь пропитанные семейной нежностью, были порой шокированы, когда наивно и даже бессознательно, что отметало всякую мысль о мистификации, с уст Боба слетали непристойности.

Но юноши чувствовали, что этот незнакомец с грубой речью, пересыпанной странными суждениями насчет еще более странного общества, весьма основательно познал эту страну, им совершенно неизвестную.

Имели ли они право, с учетом интересов своей миссии, отказаться от ключа к успеху, тогда как их собственные ресурсы обрекают их на неудачу, что было продемонстрировано в самом начале разговора?

И вот, преодолев вполне объяснимое пренебрежение и разумно убедив себя, что не время сейчас привередничать, они приняли общество нового знакомого, которое вскоре могло стать весьма компрометирующим.

Первый человек, встретившийся маленькому каравану, оказался старателем, расчищавшим на лошади свою делянку с винчестером за плечами и металлическим лотком для промывки песка, притороченным к седлу. При виде Боба, решительно шагавшего во главе отряда, старатель взмахнул от удивления руками и остановил лошадь.

– Привет, дружище Пим, – насмешливо бросил ковбой. – Большой привет!

– Привет, Боб!.. Очень рад вас видеть... В сущности... это сногшибательно.

– Сногшибательно, Пим, вы верно сказали... И... Вы же всегда принадлежали к этим бдительным, которые...

– Это чистейшая ложь, Боб!..

– А у вас очень хорошая лошадка, дружище Пим, – продолжал Боб, не удосуживаясь опровергать запирательство собеседника. – Ах, как она мне нужна!

– Но я не желаю отдавать ее вам, – крикнул удрученный Пим, поглядывая на внушительного вида канадцев, которых он принял за разбойников.

– Кто говорит «отдать»? – резко ответил Боб. – Мне нужна лошадь. Ваша коняжка мне понравилась. Сколько вы за нее хотите?

– Сорок долларов, дружище Боб, – с нарастающей тревогой ответил Пим.

– Вы так испугались, что хотите продать лошадь гораздо дешевле, чем она стоит? Тогда я сам предложу вам цену, потому что я – не грабитель, как какой-нибудь бдительный вроде вас!

На этот раз Пим заклацал зубами и в одно мгновение стал мертвенно-бледным. Какую жуткую мистификацию готовит этот проклятый ковбой, которому Пим своими руками обмотал веревкой шею два часа назад?

– Итак, посчитаем, – продолжал Боб. – Лошадь: пятьдесят, а не сорок долларов; седло с уздечкой – двадцать долларов; два револьвера системы «Кольт» – двадцать пять долла-

ров; карабин «винчестер» – двадцать пять долларов... Всего сто двадцать долларов... Достаточно?

– Это много, Боб... В самом деле – много... Ста долларов хватит...

– Пим! Еще одно слово, и вы будете приговорены получить за всё сто пятьдесят...

– Сто пятьдесят... чего? – растерянно выдохнул Пим.

– Долларов, тупица! Давай, ноги на землю... Хорошо!.. Оружие... Патронташ...

Он перекинул карабин за спину, засунул револьверы за пояс, проворно запрыгнул в седло и, обернувшись к Жану, добавил:

– Жан, дорогой мой, вы сейчас при деньгах, будьте любезны одолжить мне сто двадцать долларов, чтобы рассчитаться с мистером Пимом.

– Охотно, Боб, – ответил Жан.

Он не колеблясь открыл свою сумку и вынул из нее сто золотых долларов.

– Но, Боб!.. Дорогой мой Боб... Я дам вам кредит, – захныкал Пим, пришедший в настоящий ужас.

– Берите! И не отнекивайтесь, – приказал Боб. – Поймите, я не нуждаюсь в услугах людей вашего сорта.

– Ваше предложение оскорбляет меня!

– Прощайте, мистер честный человек... Вешайте людей, но по меньшей мере, не оскорбляйте их.

Оставив на этих словах ошеломленного мистера Пима, Боб занял место на правом фланге группы, выехавшей вчетвером в ряд на главную авеню города и направившейся к зданию суда.

Город уже принял свой обычный вид. Трупы отвезли в больничный морг; наутро епископальный священник должен руководить церемонией погребения. Клиенты, изгнанные пожаром из салуна, который разорили Боб и его друзья, пили пиво в подобном же баре. Они ожидали выхода «Хелл-Гэп Ньюс», чтобы, читая газету, переживать заново драматические события дня.

Можно представить себе впечатление, произведенное в этом нервном народце появлением повешенного преступника, гарцующего неспешным аллюром в сопровождении троих гигантов, одетых в индейские костюмы и до зубов вооруженных.

В мгновение ока отели опустели, обитатели салунов эвакуировались в храмы, где проповедники-добровольцы как раз призывали перед сбежавшими прихожанами кары небесные на головы Боба и верных ему бандитов.

Толпа горожан направилась за четверкой всадников, которые остановились перед зданием суда. Окна в здании были открыты.

Только что вернувшийся шериф узнал об убийстве двух своих друзей – Роберта Оллинджера и Уильяма Бонни, бегстве семи арестованных и повешении Боба.

Он услышал цоканье копыт и машинально взглянул в окно.

Он с изумлением узнал Боба Кеннеди, о казни которого ему только что доложили. Он глядел во все глаза, сомневаясь в реальности воскресения казненного. В это просто нельзя было поверить.

Однако ничто не помешало ему менее вежливо ответить на церемониальное приветствие Боба, склонившегося до самой шеи лошади.

После чего начался чисто американский диалог, ошеломляющий, но тем не менее абсолютно реальный.

– Привет, шериф! Очень рад вас видеть.

– И я также. Привет, Боб Кеннеди. Кто мне доставил удовольствие видеть вас?

– Вы – приятный джентльмен, шериф, и неподкупный чиновник.

– Благодарю вас за доброе мнение обо мне, Боб, и повторяю свой вопрос.

Толпа, полукругом выстроившаяся перед зданием суда, хранила молчание, как в театре, стараясь не пропустить ни одного слова из этой беседы.

– Вы, насколько мне стало известно, стали жертвой весьма неприятного происшествия.

– Скажите прямо, шериф, что я был легально казнен гражданами, представлявшими в ваше отсутствие закон.

– Это невозможно! – ответил опешивший шериф, тогда как в толпе послышался одобрительный шумок.

– Вы утверждаете, что этот акт был незаконным?

– Я не говорил этого, – осторожничал шериф, находившийся, видимо, в очень плохих отношениях с бдительными, но нуждавшийся в них ввиду отсутствия организованных вооруженных сил.

– Я убил, меня осудили на смерть, потом повесили именем закона... Ну, так провозгласите это перед собравшимися джентльменами.

– Ладно! Ваша казнь, хотя и проведенная в несколько ускоренном режиме, была справедливой и законной. Ну а теперь чего вы хотите?

– Отдаться под покровительство закона.

– Я не совсем вас понимаю, – продолжал шериф, стоявший у окна и жестикулировавший, как кукла из театра марионеток.

– А между тем это так просто... Следите, шериф, за моими рассуждениями. Ни вы, ни почтенные джентльмены, здесь присутствующие, не можете отрицать, что я искупил по справедливости, на чем я настаиваю, этим осуждением и моей казнью... совершенные мною убийства.

Виртуально я мертв, а если я в данный момент остаюсь в числе живых, то в этом нет ни моей вины, ни вины комитета бдительных.

Комитет повесил меня вполне добросовестно, и я их действиям не сопротивлялся. Следовательно, моя вина заглажена. А что вы об этом думаете, шериф?

– Я думаю, что мы имеем дело с очень редким и чрезвычайно любопытным случаем.

– Ответьте мне откровенно: если мое поведение впредь не будет предосудительным, будете ли вы продолжать преследовать меня за проступки, предшествовавшие моему поведению?

– Черт вас побери!

– Если я жив, то это случилось благодаря стечению обстоятельств, совершенно не зависящих от моей воли... Я был бы мертв, если бы не случилось чуда.

– Боб Кеннеди прав, – послышался в толпе трубный голос. – Его нельзя два раза наказывать за одно преступление, поскольку шериф сам признал, что казнь была законной. Да здравствует Боб Кеннеди!

– Ну нет! – ответил столь же зычный глас. – Надо повторно раздать карты, потому что полного искупления не произошло. Надо снова повесить нечестивца. Смерть Бобу Кеннеди!..

Мгновенно сформировались два лагеря: один благоприютствовал ковбою, другой осуждал его, как, впрочем, и его спутников, неподвижных, как конные статуи.

Для тех, кто не знает американской толпы, могло показаться, что эти чрезмерно возбужденные, кричащие, жестикулирующие люди вот-вот бросятся в рукопашную и перебьют друг дружку.

Но на самом-то деле они просто заключали пари. Зато с каким неистовством они это делали!

Оправдает шериф Боба или осудит? Или ковбоя ночью прирежут бдительные, которые любят действовать в темноте?

А размеры ставок достигали в ряде случаев весьма значительных сумм.

Боб, в свою очередь, внимательно следил за торгом, готовясь переиграть любого спорщика, решившегося установить полный контроль над ставками.

Шериф надолго задумался, пытаясь найти разумное решение.

– Ну что там, шериф? – спросил Боб, которого не оставляло благодушие. – Что вы намерены делать?

– Я думаю, дорогой мой Боб, что вам лучше всего покинуть Хелл-Гэп... Я приду в отчаянье, если с вами случится несчастье.

– Если вы гарантируете мне покровительство закона, я сам с помощью своих друзей позабочусь о собственной безопасности.

– Выходит, вы, Боб, намерены поселиться здесь?

– Мне нужно пробыть в городе по крайней мере двадцать четыре часа.

– Об этом не стоит и говорить. Охотно дам вам еще двенадцать часов, если вы обещаете покинуть нас послезавтра...

– All right³⁶, шериф! Значит, договорились. Даю вам свое слово.

– А я вам – свое, Боб! В течение тридцати шести часов покровительство закона вам обеспечено. В свою очередь, надеюсь, что вы и джентльмены, ваши товарищи, окажете мне честь и примите мое гостеприимство. У меня хватит места и для людей, и для лошадей. Мы выпьем за вашу полную реабилитацию бутылочку отличного шерри-бренди.

Глава 4

Североамериканец, даже падший, постоянно исповедует глубочайшее почтение к законности. Одного этого утверждения достаточно, чтобы понять, как без всякого организованного воинства один-единственный человек, наделенный судебными функциями, в состоянии осуществлять силу закона на громадных территориях, заселенных в большинстве своем людьми, понятия не имеющими о совести.

Это вовсе не означает, что там, где цивилизация граничит с варварством, не бывает достойных сожаления эксцессов. Но, несмотря ни на что, самый скромный сотрудник судебного ведомства всегда найдет людей, готовых оказать ему поддержку и обеспечить в конечном итоге торжество закона, то ли добровольное, то ли принудительное.

Это почтение заходит у людей, вроде бы непокорных, так далеко, что распространяется на решения судей относительно так называемых погибших членов общества и ставит их под власть закона.

Итак, Бобу Кеннеди на тридцать шесть часов было даровано шерифом покровительство закона; он оказывался в безопасности при условии, что не попытается возобновлять свои злые шуточки.

Правда, Боб, кажется, поумнел после сурового урока, данного ему тайным трибуналом Хелл-Гэпа; можно было предполагать, что льготное время пройдет благополучно.

Старую бутылку шерри распили в обществе секретаря, у которого Боб ранее позаимствовал лошадь для бегства. Секретарь нисколько на него не обижался, поскольку бесцеремонно принял приглашение на обед с шерифом в соседней гостинице.

Как и во всех приграничных селениях, пиршество состояло главным образом из куска отвратительного вареного мяса, которым американец наслаждается с куском еще более гадкого твердого хлеба из муки грубого помола. А между тем хозяин пошел на большие расходы. Видные граждане, то есть шериф, Боб, секретарь и трое братьев, присутствие которых стало гвоздем программы, привлекли многочисленных любопытных. Число посетителей ресторана выросло в четыре раза.

³⁶ All right (англ.) – хорошо; согласен.

Исключительная вещь в стране, изобилующей скотом, в стране, где никогда не едят свежее мясо, но в меню появились бифштексы. Настоящие бифштексы, но поданные в сомнительной форме почерневших пластин, окаймленных желтым жиром и плавающих в растопленном свином жире.

Канадцы, очень скромные в быту, но привыкшие к сочным блюдам из дичи, скорчили гримасы и не стали портить свои волчьи зубы об это жесткое жаркое, пропахшее омерзительным запахом подгорелого сала.

– Хэллоу, Джонни!.. Мальчик мой! Как вы находите этого бычка?

– О! – усмехнулся Жан. – Этот бычок долго служил в кавалерии!

– На что вы намекаете?

– Филе, из которого сделали эти бифштексы, было очень жестким. Оно долго выдерживало седло и всадника.

– Значит, оно, по вашему мнению, конское...

– И принадлежало дряхлой кляче! Можете мне поверить.

– Well³⁷!.. – послышался грубый насмешливый голос с соседнего стола. – Чужеземец прав, и можно доказать джентльмену, что в эту минуту мы едим лошадь, на которой Боб пытался удрать!

– Вашу лошадь, господин окружной секретарь!..

– Да, – подтвердил всё тот же голос, – у нее была сломана нога, когда вешали Боба... Я прикончил ее выстрелом в голову, а потом перевез сюда и продал ее тушу.

При этих словах безудержный смех охватил присутствующих, казалось пришедших в исступление. Раздавались крики «ура!», пили за здоровье Боба, потом за здоровье окружного секретаря, потом за здоровье... пристреленной лошади!.. Слегка побили посуду – к несказанной радости репортера «Хелл-Гэп Ньюс», ловившего новости для местной хроники.

Метрдотель, уже получивший хорошие чаевые, наотрез отказался брать шиллинг от Боба, то есть от Жана, казначея ассоциации; шериф и секретарь дурачились и веселились, как простые ковбои.

Званный обед закончился. Владелец салуна дал понять Бобу, что тот при желании может со своими друзьями провести вечер в его заведении, разумеется, вместе с шерифом и секретарем округа. *Всё, что человек в силах переварить*, будет им предоставлено бесплатно.

Естественно, Боб, которого до повешения никогда не видели на подобных праздниках, согласился и прихватил всю ватагу в салун, над дверью которого уже появилась вывеска, а на окнах – афиши, призывающие на торжественный обед.

И Боб, опять всё тот же Боб, стал героем дня; он оживился, рассказывал смешные истории, казался омерзительно пьяным, но при этом сохранял ясную голову, чтобы объяснить видным гражданам, каким образом Джон, Джеймс и Фрэнсис³⁸ нашли его утром *довеском к телеграфу*.

Это выражение имело бешеный успех. Оно переходило из уст в уста, дошло до репортера, подхватившего его на лету и сбежавшего в редакцию, чтобы еще тепленьким опубликовать в газете.

В свою очередь шериф, как избранная власть, искал популярности, думая о предстоящих выборах и ловко пользуясь достигнутым положением. В самом деле, его должность относилась к завидным, делая ее носителя всемогущим и принося ему большие барыши. Исполнять эту всеобъемлющую должность было трудно. Шерифу предстояло быть судебным исполнителем, комиссаром полиции, судебным следователем, приниматься за много других дел, вплоть до обязанностей палача. Однако должность шерифа оплачивалась в соот-

³⁷ Well (англ.) – хорошо, так.

³⁸ Имена братьев на английский лад.

ветствии с выполненной работой. Столько-то шериф получал за вызов свидетеля, столько-то – за арест убийцы, столько-то – за повешение... Шериф Хелл-Гэпа получал за первый год службы не менее сорока – сорока пяти тысяч долларов, в переводе на французские деньги это составляет двести – двести пятьдесят тысяч франков. Согласитесь, это кругленькая сумма для должностного лица довольно низкого порядка.

Предоставленные самим себе, Жан, Жак и Франсуа скучали.

Они оказались на чужбине, в непривычных условиях; их оглушали крики горожан, принадлежавших к верхушке местного общества, но напившихся, как простые смертные; их пропитывали табачная вонь и алкогольные испарения; им не понравились напитки, к которым они едва притронулись. Братья хотели бы распрощаться с этой шумной толпой и продолжить свои поиски, так неудачно прерванные спасением, о котором они теперь почти сожалели.

Какое им было дело, по крайней мере в этот момент, до ковбоя, выпивохи, болтуна, грубияна, полностью позабывшего, казалось, за всеми этими возлияниями о братьях!

Они вспоминали о своем убитом отце, о своем городке, трусливо проданном врагу, о негодяе, сделавшем их сиротами, после того как он погубил дело метисов, и страдали, ощущая себя жертвами этой омерзительной близости, запятнавшей, как казалось, их воспоминания.

Им хотелось при первом удобном случае незаметно исчезнуть и отправиться в степи или, по крайней мере, избавиться от того нездорового интереса к себе, напоминавшего любопытство к редкому животному или природному явлению.

Но Боб, опять всё тот же Боб, казалось, читал их глубинные мысли. Он ловко выскользнул из группы, состоявшей из более-менее настоящего полковника, судьи с довольно хорошим цветом лица и нескольких профессоров, лишенных кафедр и дипломов, и приблизился к бедным юношам, растерявшимся перед эдаким зверинцем двуруких.

– Эй!.. Парни!.. Вы что застыли?.. Нет привычки?.. Это пройдет... вам надо бы пропустить стаканчик сока тарантула³⁹...

Он проговорил эти слова чересчур громко, как это обычно делает пьяный человек, но потом резко сменил тон и добавил вполголоса, обращаясь больше к Жану:

«Джонни, держитесь! Я думаю о вас, не сомневайтесь. Скажите мне только, дорогой мой, как зовут того человека, которого вы ищете. Вы рассказали мне его историю, но не назвали имени.

– Его зовут Туссен Л'бё, – ответил Жан приглушенно, произнеся фамилию своего недруга так, как это сделал бы житель французской провинции Орлеанэ.

– Туссен Л'бё, – попытался повторить Боб.

– По-французски говорят также Лебёф, но канадцы в нашем краю произносят Л'бё.

– Well! – воскликнул Боб, возвращаясь к своему вульгарному диалекту. – Эти парни благоразумны как девицы... Я, правда, знавал девчонок очень свободного поведения... Это пройдет!..

После чего он присоединился к покинутой компании, занятой выпивкой и громким ором.

Жан, Жак и Франсуа поняли, что Боб куда серьезнее, чем они судили. Он играет роль, веселясь вовсю, со скотской увлеченностью забавляющегося американца, и при этом пытается разузнать что-то про их врага.

Теперь ожидание меньше нервировало их, эта шумная оргия больше не казалась бесполезной для результата их миссии. Они оставались бы зрителями, если и не заинтересованными, то по меньшей мере безропотными, если бы с какого-то момента к ним не пристал

³⁹ Сок тарантула – одно из названий виски на жаргоне американских ковбоев.

человек в лохмотьях и с нечесаной бородой, говоривший с ирландским акцентом и непременно хотевший заставить их выпить.

Он был пьян так, как это доступно только уроженцу «сестринского острова»⁴⁰, Ирландии. С невыносимой настойчивостью пьяниц ирландец повторял им в сотый раз один и тот же доводящий до отчаяния набор фраз:

– Ну-ка, чужаки, выпейте со мной... Что-нибудь настоящее... Коктейль?.. Нет! Gumme-tickler⁴¹?.. Corps-reviver⁴²?..

– Нет, спасибо, мы не хотим пить, – по очереди отвечал каждый из братьев.

– Может, у вас нет денег?.. Не беда! Я сегодня богат... Заплачу, если вы бедные... Я люблю подавать беднякам!.. Янки вам такого не предложит... А я... я щедрый, потому что веду свой род от ирландских королей... Вы смеетесь!.. Так знайте же, что меня зовут Патрик О'Брайен!..

– Хватит, мистер потомок ирландских королей! Пейте в свое удовольствие и оставьте в покое тех, кто не страдает от жажды, – ответил выведенный из терпения Франсуа.

– Арра⁴³!.. Арра!.. – завопил пьяный. – Да это оскорбление! Американец уже разрядил бы вам в рыло револьвер за отказ. Но я буду более терпеливым... Ну, еще разок... Согласны выпить?..

– Нет! – сказал Франсуа с удивительным для его возраста спокойствием.

– Второй раз?.. – теперь уже угрожающе продолжал ирландец.

– И не спрашивайте.

– Третий раз?

– Вы упрямы, не так ли? И я тоже! К тому же я не хочу заболеть из-за вашего каприза. Я не буду пить!

– Бедарра! – завопил пьяный и потянулся за пистолетом. – Я продырявлю тебе башку, молокосос!

Инстинктивно Франсуа вытянул руку над столом и ухватил ирландца за бороду как раз в тот момент, когда тот заряжал свой кольт.

⁴⁰ Сестринский остров (*англ.* Sister Island) – устойчивый оборот в английском языке для обозначения близких островов в архипелаге; обычно переводится на русский язык как «братский остров»; здесь имеется в виду пара: Великобритания и Ирландия.

⁴¹ Gumme-tickler (*америк. жаргон*) – правильно: gum-tickler; разновидность твердого алкоголя, распространенная в Сев. Америке преимущественно в XIX в.: четверть пинты спиртного напитка (0,118 л в США), обычно рома, введенная в таблетку жевательного мармелада.

⁴² Corps-reviver (*америк. жаргон*) – «оживитель»; вид напитка, улучшающего состояние организма при похмелье; коктейль, в который входят джин, абсент, ликер или вино, свежавыжатый лимонный (или лаймовый) сок и некоторые другие ингредиенты.

⁴³ Арра (arrah) – ирландское (кельтское) слово, выражающее изумление, возмущение, негодование и т. п. Примерное значение: «Ах, вот как!», «Ну, ладно же!». Слово относится к вульгаризмам ирландского языка. Примерно такое же значение имеет и встречающееся дальше слово «бедарра».

– Я продырявлю тебе башку, молокосос!

Ирландец взвыл от боли и машинально направил оружие в направлении Франсуа. Юноша ухватился за револьвер другой рукой и спокойно сказал:

– Я слышал, что пьяные делают глупости... Ваши действия приведут к несчастью... Отдайте мне пистолет; я верну его вам завтра, когда вы протрезвеете.

Взбешенный, брызжащий пеной, возбуждаемый алкоголем, уязвленный в своей гордости до глубины души, Патрик О'Брайен разразился своими кельтскими проклятиями:

– Бедарра!.. Свинопас!.. Я сниму скальп с этого юного мерзавца... сыночка белого воришки и краснокожей сучки!..

При этом идиотском оскорблении Франсуа побледнел, насколько это позволял темный цвет лица, давший франко-индейским метисам прозвище Буа-Брюле.

– Скажи, малыш, – вмешался Жан, также заметно побледневший, но остававшийся спокойным, – хочешь, я помогу тебе?

– Нет, брат, спасибо! В первый раз на меня напали, позволь мне справиться самому.

– Будь по-твоему, малыш, но я буду настороже, чтобы помешать подвоху.

Шум ссоры заставил умолкнуть выкрики; все взгляды обратились на Франсуа, который по-прежнему одной рукой держал за бороду потомка ирландских королей, а другой разоружил его, не причинив никакого вреда.

Одни признавали правоту молодого человека, спокойствие и сила которого покорили наименьшее число буянов. Другие считали юношу неправым, потому что он отказался выпить, а американцы считают такой отказ тяжелым оскорблением. И конечно... мигом стали заключаться пари о вероятном исходе инцидента.

– Пусти меня, мошенник!.. Пусти меня! – ревел Патрик.

Но юноша нисколько не хотел прекращать эту болезненную и гротескную муку. Наоборот, хватка его становилась только крепче, хотя он почти не прилагал усилий, держал ирландца буквально кончиками пальцев, словно нашкодившего кота. Франсуа вывел своего противника на середину зала и там, на глазах всех присутствующих, влепил ему пару самых звонких пощечин, которые когда-либо покрывали позором человеческое лицо.

– Так! – сказал он после такой великолепной демонстрации силы, принятой восторженными криками зрителей. – Если вы не удовлетворены, приходите завтра, я удвою дозу. Вы называли меня молокососом... Мне и в самом деле только шестнадцать лет, и я не обижаюсь на вас за это... Но вы видите, что иногда хорошо быть и молокососом, мистер бородач. И если когда-нибудь еще вы, на свою беду, снова оскорбите меня, то тогда уже я вас скальпирую.

Ураган аплодисментов встретил эти слова, сказанные с величайшим спокойствием и определенным достоинством. Некоторое подтрунивание слышалось в его словах, и было очень интересно отметить практически у ребенка подобное проявление силы и зрелости.

Ирландец, наполовину протрезвевший, водил по собравшимся тупым взглядом. Он услышал иронические смешки и заметил, что растерял всех своих сторонников. Свое отступление он решил прикрыть бахвальством.

– Свинопас!.. Ты, молокосос, заплатишь мне завтра! Увидим, так ли ты силен с пистолетом или карабином в руках...

– Дуэль! – воскликнул Франсуа. – Это мне подойдет! Хоть прямо сейчас, если хотите... На этом самом месте... Почтенные джентльмены расступятся направо и налево... Я верну вам ваш револьвер. Только постарайтесь никому не выбить глаз.

– Завтра... В середине дня... – бормотал Патрик, раздосадованный тем, что его приперли к стене.

– Друзья, – прервал обмен любезностями вынырнувший откуда-то Боб, – оставьте этого вшивого ирландца и послушайте меня. Человек, который нам нужен, еще сегодня утром был в Хелл-Гэпе.

– В самом деле, Боб?

– Я абсолютно в этом уверен. Трое джентльменов, моих знакомых, видели его и даже говорили с ним. Он прибыл сюда по делам золотых рудников. Неизвестно, покинул ли он город. В любом случае, он не мог уйти далеко.

...Ирландец воспользовался новым оборотом событий, чтобы бесславно отступить. Он пересек улицу, изрыгая грязные проклятья в адрес своего юного, но опасного противника.

Вдруг его остановил неизвестный, положив руку на плечо. Это был мужчина высокого роста, прижимавшийся в темноте к стене, но слышавший и видевший всё, что происходило в салуне.

Патрик О'Брайен, полагая, что имеет дело с грабителем, хотел было закричать и поднять тревогу.

– Тише! – с присвистыванием прошептал ему на ухо незнакомец, предотвращая шумиху. – Перед вами друг.

– Кто вы?

– Друг, повторяю вам. Я смертельно ненавижу тех, кто так грубо с вами обошелся.

– В самом деле?

– Если сомневаетесь, следуйте за мной. Я вам кое-что расскажу.

Глава 5

Протрезвевший на воздухе Патрик О'Брайен отправился в сопровождении своего таинственного собеседника за город. Они шли вдоль речки, берега которой были изрыты шурфами старателей.

Они были в полном одиночестве, потому что в такое время население городка пребывало либо в салунах, либо в наемных домах. Уснуть в них, правда, было очень трудно по причине сильного шума и жары.

– Мы действительно одни? – спросил высокий незнакомец, фигура которого отчетливо вырисовывалась на фоне звездного неба.

– Абсолютно одни, – ответил ирландец, тщетно пытаясь различить черты незнакомца.

– Что вы делаете здесь, в Хелл-Гэпе?

– Работаю на прииске, за неимением лучшего. Когда найду золото, пью; когда же деньги кончаются, я готов на всё.

– Иными словами, вы очень любите выпить и не желаете много работать.

– Можно сказать, вы знаете меня с колыбели.

– Очень хорошо!.. Думаю, мы договоримся. С такими принципами, какие вы мне изложили, вы готовы на любую работу, лишь бы она была доходной и нетрудной.

– Да!

– Сколько вы зарабатываете, промывая песок?

– От шести до восьми долларов в день, но меня жутко утомляет солнце. Лицо вечно обожжено, ноги в крови, горло забито пылью...

– Я вам предложу куда более приятные условия.

– Что для этого надо делать?

– Повиноваться мне!

– Это зависит от того, что вы будете приказывать.

– Верно!.. Вас зовут Патрик О'Брайен. Только что вы сказали этому юному шуту, обошедшемуся с вами перед лучшими людьми города несколько... фамильярно.

– Я обещал его скальпировать, с Божьей помощью!.. Пусть я буду всю оставшуюся жизнь пить воду, если не сделаю его череп гладким, как тыква.

– Вы ирландец, а это значит, хвастун и обманщик!..

– Джентльмен!

– Будьте серьезны и не говорите глупостей! Тот паренек сделает из вас отбивную котлету... Я знаю канадцев.

– Ладно! Что тогда?

– Не ищите с ним ссоры... Вы погубите себя, а мне вы нужны целым и невредимым.

– Подобное оскорбление надо смывать потоками крови.

– Смоете, но при этом исполните и мои задания, потому что моя ненависть к нему куда глубже и гораздо старше. Я не знаю планов этой троицы и того подозрительного типа, к

которому они прилипли, но я бы не возражал, если бы что-то помешало им задержаться в Хелл-Гэпе.

Надо так их скомпрометировать, чтобы их пребывание здесь стало невозможным... Может быть, впутать их в какую-нибудь аферу с кражей лошадей или что-то еще в таком же роде.

Не могу надеяться, что их повесят, если только не задержат на месте преступления, но их вышвырнут из города так же, как и этого несчастного ковбоя. Вот это надо сделать в первую очередь, мистер Патрик О'Брайен.

— Ну, это очень легко выполнить, джентльмен! Обойти салуны, оплатив выпивку жаждущим.

— Бог знает, есть ли такие в этом проклятом краю.

— Нужны деньги на виски и на соответствующую обработку пьяниц.

— Вы говорите очевидное. И это... всё?

— Я только начал.

— Как долго! Вы еще жаждете? Или уже?

— Ваша милость изволит шутить!

— Продолжение просто, как «здравствуйте». Завербуйте как можно быстрее семь или восемь повес... из породы отчаянных негодяев... У вас наверняка есть такие знакомцы.

— Могу в течение получаса найти человек двадцать.

— Остановимся на семи. Вы, главарь, будете восьмым. Устройте нашим канадцам засаду подальше от города, чтобы не мог вмешаться шериф.

— А потом?

— Убейте всех! Вот два свертка по сотне долларов в каждом... Добавлю столько же, когда получу неопровержимые доказательства смерти этих сорванцов.

— Две сотни долларов!.. Черт возьми!.. Вы предлагаете такое, хозяин, в наших краях, где убить могут за фунт стерлингов!

— Это потому, что речь идет о крайней необходимости, и я хочу, чтобы работа была хорошо выполнена.

— Сделаем на совесть, хозяин.

— И чтобы никаких попыток обмана. Такие люди, как я, умеют взять след и хорошо владеют искусством скальпирования.

— Будьте спокойны. Гарантией ваших денег станут два мощных мотора: ненависть и интерес. А если возникнет необходимость связаться с вами, где мне вас искать?

— В день, когда вам будет нужно, намалуйте на двери своей конуры бычью голову. В тот же вечер отправляйтесь к телеграфному столбу, на котором был повешен Боб Кеннеди. Там вы найдете меня или моего посланца. Вы можете полностью доверять ему. В противоположном случае, если мне потребуется переговорить с вами, я нарисую бычью голову на вашей двери. Встреча будет в том же месте.

— Договорились.

— Ну, а теперь прощайте. До новых распоряжений... Идите направо, я пойду налево... И еще одно: если вам дорога ваша шкура, не пытайтесь узнать, кто я.

* * *

В то время как неизвестные враги составляли заговор против юных канадцев и Боба Кеннеди, те радовались, что наконец-то закончилось щедрое пиршество, поводом для которого они были.

Со вздохом облегчения они вернулись к шерифу, очень возбужденному, как и клерк, и отправились спать на деревянную галерею, заменявшую веранду, предварительно нанеся визит в конюшню, к своим лошадям.

На следующий день, на закате солнца, должна закончиться предоставленная Бобу передышка, и тот достаточно хорошо был знаком с характером своих патриотов, чтобы понимать, что не получит отсрочки ни на час.

В семь часов сорок пять минут истекает срок, зафиксированный соглашением между ковбоем и шерифом, и представитель власти арестует своего гостя и сотрапезника без малейших угрызений совести, если тому придет в голову фантазия промедлить хотя бы на несколько минут.

Боб, впрочем, весьма плодотворно использовал свое время для поисков, объектом которых был таинственный Туссен Лебёф. Этот человек оставался невидимым после беспокоящего прибытия троих братьев. Совесть этого человека, видно, встревожил вид этого опасного трио, и он спрятался в каком-то уединенном месте, до сих пор не обнаруженном.

Но было известно, что он здесь, и сведение счетов фатально приближается, потому что он не сможет долго скрываться в городе, населенном всего двумя тысячами жителей.

К несчастью, Бобу придется уехать. Помощь Боба была очень ценной для юношей, хотя познакомились они совсем недавно. Компаньоны условились, что Боб будет жить на берегу Чертова озера, на почтительном расстоянии от Хелл-Гэпа. Таким образом он сможет в случае надобности вовремя вмешаться и оказать братьям поддержку.

Что касается самих братьев, они могут остаться в городе, насколько это будет полезным, чтобы найти и схватить своего врага.

Поскольку они не хотели больше злоупотреблять гостеприимством шерифа, им надо на время устроиться в отеле – им и их лошадям.

При столь естественном предложении лицо хозяина гостиницы, привыкшего, кстати, предоставлять приют более чем сомнительным постояльцам, омрачилось. Он стал отговариваться, вспомнил про отсутствие мест, придумывал разные предлоги и наконец прямо заявил, что не примет братьев.

– Мы же вам заплатим вперед! – наморщил лоб и резко возразил Жан.

– Послушайте, чужеземец, – ответил хозяин, всё более раздражаясь, – не настаивайте. После этой ночи о вас много говорили, и я вовсе не желаю, чтобы мой дом ограбили, а, возможно, и сожгли в том случае, если ваша коммерция вызовет репрессии. Я видел вас в деле! Вы – из тех людей, что могут себя защитить.

– Черт побери, если я понимаю хоть слово в сказанном.

– Вы молоды, но благоразумны, – ответил, подмигнув, хозяин. – И все-таки берегитесь! Такая коммерция опасна.

– Шериф поручится за нас!

– Если шериф выступит в качестве гаранта, я к вашим услугам.

Вопреки ожиданиям Боба и братьев, обхождение шерифа, хотя и не было таким же грубым, но и не отличалось сердечностью.

– И не думайте оставаться в Хелл-Гэпе! – сказал он без обиняков.

– Но мы хотели бы этого и просим у вас поручительства.

– Это невозможно!.. Совершенно невозможно.

– Что происходит, в конце концов?.. Разве мы не находимся на свободной земле Америки, страны, дающей всем гостеприимство... и убежище, защищающее ото всех бед?

– Всё это – пустые слова! В Хелл-Гэпе вы в опасности... Покиньте на время город и отправляйтесь дальше.

– Это приказ или совет?

– Совет, и самый бескорыстный, потому что вы мне симпатичны... точно так же, как и этот беспутный Боб. Я буду очень огорчен, если с ним случится несчастье. Через двенадцать-пятнадцать часов вы будете страшно скомпрометированы, и притом с невероятной ловкостью и упорством. Короче, пустили слух, что вы связаны с конокрадами, нападающими на соседние ранчо. Ранчмены настолько выведены из себя этими непрекращающимися кражами, что вешают всех подозреваемых без разбора...

– Это оскорбление! Мы всего восемь дней назад впервые пересекли канадскую границу, преследуя негодяя, предавшего наш городок и убившего нашего отца!

– Не сомневаюсь в вашей невинности, а вашу цель считаю одной из самых благородных. Но, тем не менее, слух распространяется с такой настойчивостью, что вы, если останетесь здесь, можете стать жертвами катастрофы, подобной той, в которой Боб чуть не потерял жизнь. Я просто не смогу защитить вас, если разносчики этой клеветы убедят большинство жителей в вашей виновности. Вы же об этом кое-что знаете. Не так ли, Боб?

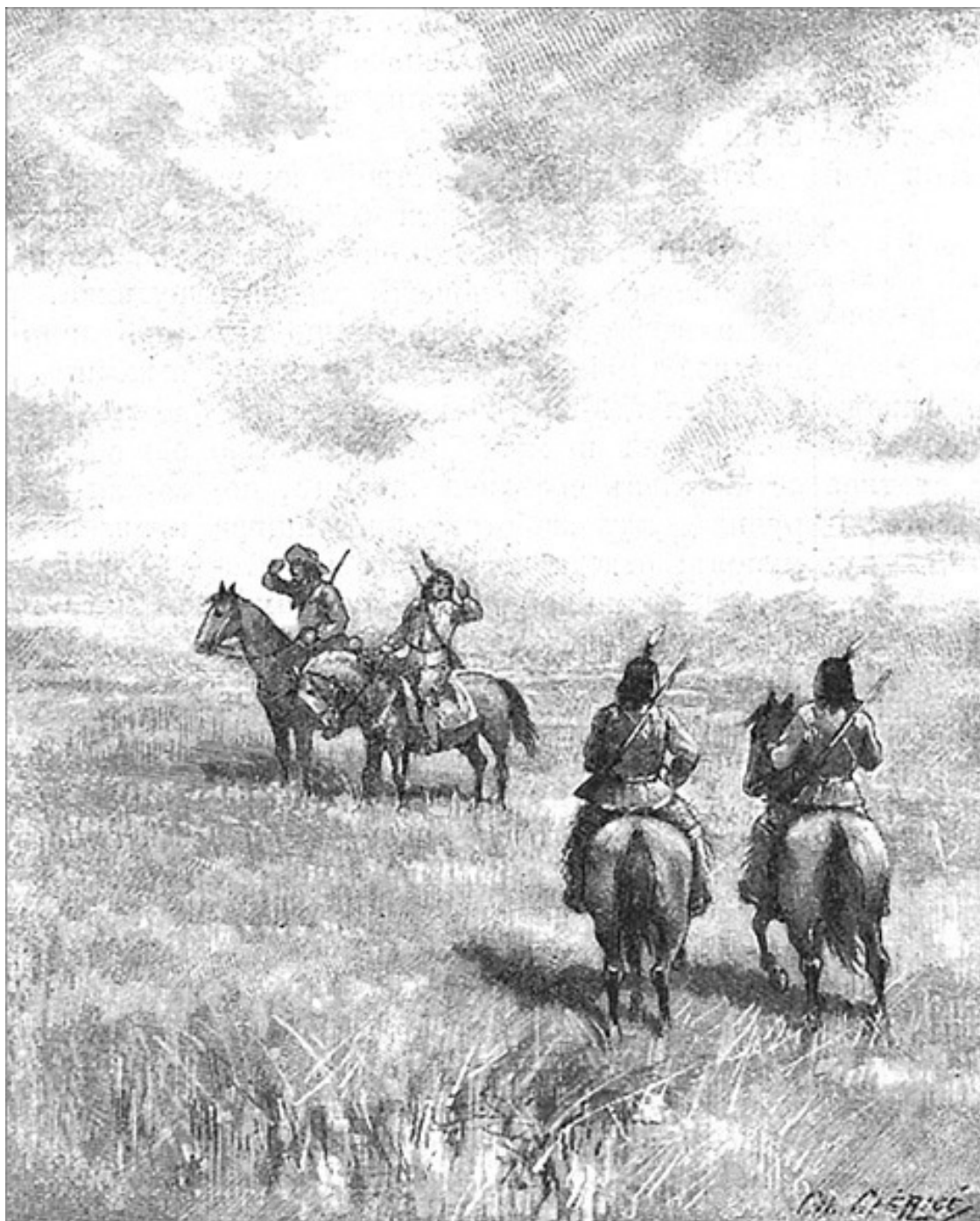
– Ну, в моем случае была хотя бы видимость правды. Я же не святой... Но всё равно я краснею, слыша, как мои соотечественники понимают законы гостеприимства. Эх, если бы тут со мной была хотя бы сотня ковбоев с Блэк-Хиллс, мы бы быстро очистили его, ваш проклятый Хелл-Гэп! Ну да ладно! Вы были предупредительны ко мне, шериф, и я этого не забуду. Прощайте!

– Прощайте, Боб! – сказал шериф, протягивая руку, и эта фамильярность, казалось, несколько не унизила достоинство должностного лица. И вы, молодые люди, тоже прощайте. Будьте благоразумны, терпеливы, и тогда всё будет хорошо.

...Четверть часа спустя после этого разговора четверо компаньонов, внутренне удрученные неожиданной помехой, но делающие хорошую мину при плохой игре, покидали старательский кэмп, опередив на два часа срок окончания передышки.

Ведомые Бобом Кеннеди, которому были хорошо знакомы окрестности молодого города, они добрались до берега озера, продвигаясь крупной рысью на протяжении полутора часов по ароматной, густой и сочной траве, известной под названием бизоньей⁴⁴. Наконец они прибыли к совершенно изолированному срубам, возведенному в сотне метров от озера, на плоской, как ладонь, площадке. Трава близ избушки была выкошена и утоптана. Избушка достигала в длину пяти метров, а в ширину – трех. Стены из положенных одно на другое бревен поднимались на два метра, а перекрыта избушка была кусками подпаленного дерна, уложенного, как попало, на опору из веток. Справа и слева к избушке были прикреплены колья, служившие коновязями.

⁴⁴ Бизонья трава, или бутелоа – травянистое растение семейства злаковых, распространенное на юге Канады, в США и Мексике; известно около 40 видов бутелоа, многие из которых используются в декоративном садоводстве; известна также под другими названиями: месkitовая, пастбищная.

Они добрались до берега озера

Внутри избушка была совершенно голой. Виднелись только пять-шесть колышков, вбитых между деревянными брусьями, – разумеется, для подвешивания оружия и конской сбруи. Косые лучи заходящего солнца пробивались сквозь дырки в кровле. Хорошо, что стоял июнь. А ведь здесь, в Дакоте, температура зимой падает до -40°C , хотя в разгар лета она может подниматься до $+40^{\circ}\text{C}$. Следовательно, как заметил Боб, не следует бояться простуды или насморка.

Вспененных и вспотевших лошадей расседлали и – как хорошо обученных животных – оставили пастись на густой луговой траве.

– Мы здесь как у себя дома, а скорее – просто дома, – сказал Боб и несколько раз щелкнул своим знаменитым stock-whip, то есть ковбойским кнутом, чтобы отогнать гремучих

змей, которые могли заползти в избушку в поисках тени и прохлады. – Владелец этого дворца был один из моих закадычных друзей, и мне стало очень больно, когда я его потерял в прошлом месяце. Он погиб на ранчо Поркьюпайн. Один из парней ранчмена всадил ему с шестидесяти шагов пулю промеж глаз... Превосходный выстрел!

Дом остался ничейным после его гибели; мы займем этот дворец и устроим здесь свою штаб-квартиру.

– А вы не находите, Боб, – спросил Жан, – что она несколько далековата от города.

– О! Расстояние не имеет значения.

– А если этот негодяй сбежит?

– Мы погонимся за ним.

– А если мы потеряем его след?

– Отыщем.

– Одна старая французская поговорка учит: «Лучше исправно держать, чем потом бежать».

– Ваша поговорка права. Вот поэтому я и предлагаю вам остаться здесь, а не бегать, а еще запастись терпением, чтобы хорошо удержать... Вы любите рыбу?

– Конечно. А почему вы спрашиваете?

– Вы рыбаки?

– Черт побери! Мы же канадцы.

– Прекрасно! Друзья мои, устраивайтесь здесь в свое удовольствие. С завтрашнего дня мы станем страстными рыболовами. У меня в мешке есть несколько крючков и отличных дублёных шнурков. Вы мне расскажете, как на них ловится.

– Вы смеетесь над нами, Боб! Ловить рыбу, когда на кон поставлена судьба большого дела!..

– Что до меня, то я возвращаюсь в Хелл-Гэп сразу же, как станет темно...

– Вы не пройдёте там и двадцати метров, как вас узнают, арестуют, а потом повесят!

– Когда я узнаю, что творится в этой жалкой дыре, то сразу же вернусь и расскажу обо всем вам. Либо я сильно ошибаюсь, либо я расскажу вам кое-что интересное. Ждите меня к одиннадцати часам и поджарьте мне на завтрак две-три кефали. Они в этом озере очень вкусные. А сейчас я хочу вам приготовить несколько лепешек. Я взял с собой маленькую сковородку, топленое сало и муку. А потом мы откроем банку тушеного мяса производства прелестного мистера Армора⁴⁵ и поужинаем, как лорды Старой Англии.

Сказано – сделано, и Боб, сама пунктуальность, отправился в дорогу в половине десятого, крепко пожав руки ошеломленным братьям.

Глава 6

Трое братьев с самого начала испытывали, даже вопреки самим себе, влияние этого странного персонажа по имени Боб Кеннеди. Столь быстро менялись события после их перехода на американскую территорию, и так тесно был связан с ними Боб, что у братьев не оказалось времени ни поразмышлять, ни переждать.

Более осторожные и более рассудительные, чем это обычно бывает в их возрасте, они бы никогда не позволили в нормальной жизни, чтобы подозрительный человек так навязывал им свое присутствие и свое сотрудничество. В конце концов, встреча с кем-то повешенным за шею на верхушке телеграфного столба никогда не оставляла хорошего мнения об этом персонаже, даже в Америке, стране крайностей.

⁴⁵ Армор – имеется в виду Филипп Данфорт Армор (1832–1901), основавший в 1867 г. вместе с братьями мясоконсервную компанию «The Armour Canning Company», которая в 1880-е гг. стала в США ведущим предприятием отрасли.

Но в силу обстоятельств, несмотря на свое туманное прошлое, свои компрометирующие связи, свои подозрительные занятия, свою плачевную репутацию, Боб сразу стал им близок благодаря неиссякаемому задору, богатейшему опыту приграничной жизни, желанию продемонстрировать свою полезность братьям, а также из-за оказанной ему услуги.

Ведь в жизни чаще привязываешься к людям вследствие добрых услуг, им оказанных, чем по обязанностям в их отношении.

Возможно, вмешательство ковбоя в их дела было с самого начала неприятно братьям.

Хотя своих помощников не всегда выбираешь, братьям, конечно, было неприятно смешивать воспоминания об убитом отце и о проданной родине с таким авантюристом, как Боб. Но судьба, впервые сведя их друг с другом, впоследствии захотела объединить их, подвергла одним и тем же опасностям, заставила разделить одну и ту же злобу, взять на себя одну и ту же ответственность.

Поэтому, вопреки закономерным в принципе предубеждениям, они больше не защищались.

Впрочем, Боб был искренним. Вообще говоря, американский ковбой при наличии большого количества огромных недостатков соединяет в себе редкие и ценнейшие качества. Надо сильно недооценивать ковбоя, чтобы не понять, почему Боб останется верным своим молодым друзьям. У него, как и у некоторого количества этих авантюристов, сохраняются многие черты характера кондотьеров⁴⁶, которые не всегда были продажны, а порой благородно жертвовали своей жизнью.

Братья чувствовали всё это и верили ему.

А между тем эта вера в течение трех дней подвергалась испытанию.

Боб, как помнится, отъехал ночью, через несколько часов после общего вселения в безымянную избушку на берегах Чертова озера. Он отправился на разведку в Хелл-Гэп, обещая вернуться на следующий день утром, около одиннадцати часов.

Три брата, рабы добровольно заключенного соглашения, принялись ловить рыбу на совесть и успешно, как настоящие мастера своего дела.

В условленный час на пиру любителей рыбной кухни ждали четвертого едока. Но он не приехал. Вечером – опять напрасное ожидание, как и на завтра, и на послезавтра... Необъяснимое отсутствие!..

Беспокойство перешло в тревогу.

Жан, Жак и Франсуа сотню раз подходили к дверям своей лачуги или, чтобы поглядеть подальше, забирались на ветхую кровлю и боялись дать выход своим впечатлениям.

Всех троих долгое время посещали печальные мысли. Боб слишком переоценил свои силы, отправившись в Хелл-Гэп, где население было настроено против него. Бедный Боб! Только бы преданность братьям не стала для него фатальной.

Внезапно одна из лошадей канадцев, остававшихся на вольном выпасе, подняла голову. Она резко вдохнула воздух, потрясла гривой; потом послышалось прерывистое ржание. Другие лошади подголосками вторили ей. Потом прирученные животные скачками направились к избушке.

Лошади, как и собаки, чуют приближение чужого человека и сигнализируют хозяину о возможном неприятеле.

Братья моментально выскочили наружу, прихватив седла и уздечки. Полукровки были в одно мгновение оседланы, молодые люди остались рядом с лошадьми, держа в руках поводья и заряженные карабины.

⁴⁶ Кондотьер – командир отряда наемников в Италии XIV–XVI вв.; такие отряды состояли на службе у государей и крупных городских коммун; позднее название использовалось в различных странах для определения наемника-авантюриста.

В приграничной полосе предосторожность никогда не бывает излишней. Там более, чем где-либо, применим известный принцип: «*Si vis pacem, para bellum*»⁴⁷.

Вдали показался человек. Он приближался к хижине – увы, пешком!

Ложная тревога породила ложную надежду. Человек приближался тяжелым широким шагом. На спине у него виднелись карабин с вороненым стволом и мешок, похожий на провиантский мешок современных французских солдат. На голову он водрузил чудовищную шляпу из серого фетра, которую не захотел бы взять ни один лондонский старьевщик. Из этой шапки вылезала длинными космами черная сальная бахрама. Лицо пришельца, имевшее изначально кирпичный цвет, было размалевано на манер индейцев-сиу киноварью, черной и голубой красками.

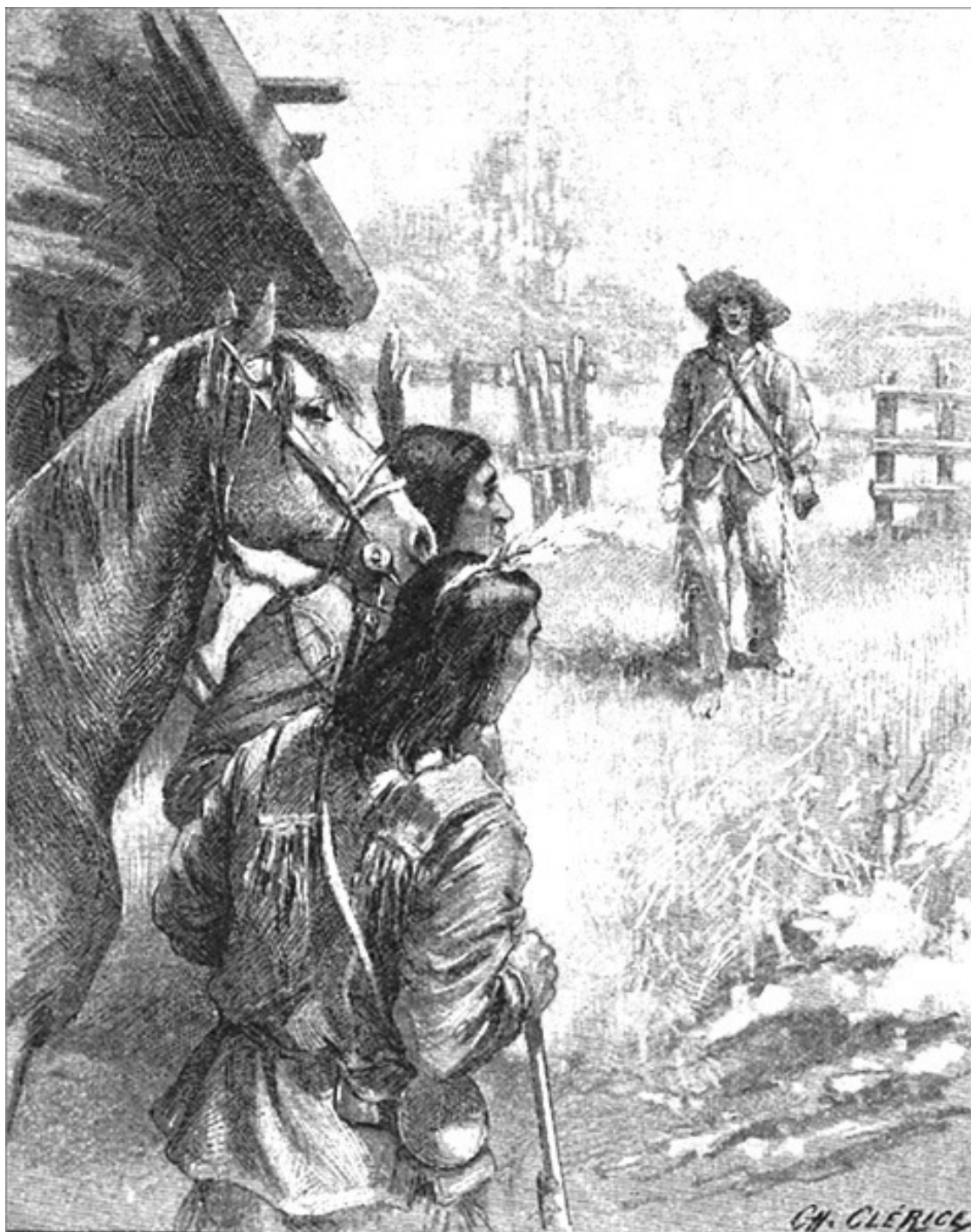
Это был чистокровный индеец.

Одежду его составляли разодранная красная шерстяная рубаха и штаны из порыжевшей кожи. Такую называют «скальпированной», потому что у нее нет основы. Штаны подерживала какая-то грязная тряпица, пропущенная между бедер и цепляющаяся за пояс; она мешала штанинам упасть. Человек был бос; но по манере двигаться, коленями наружу, легко узнавался бывший всадник.

Одна только деталь, вроде бы и незначительная, оправдывала предусмотрительность Буа-Брюле: оружие его находилось в безупречном состоянии, а это редко встречалось у индейцев.

Он остановился в пяти-шести шагах от враждебно выглядевшей группы метисов. Чтобы доказать свои мирные намерения, он подчеркнуто открыто вытащил руки из карманов, прежде чем получил соответствующее приказание.

⁴⁷ «Если хочешь мира, готовься к войне» (*лат.*) – фраза из сочинения римского военного писателя Флавия Вегетия Рената «Краткое изложение наставлений по военному делу», ставшая впоследствии глобальным принципом государственной военной политики.

На спине у него виднелись карабин с вороненым стволом и мешок

– Что хочет мой брат? – обратился к гостю Жан на правах старшего хозяина.

Индеец, прежде чем ответить, сплюнул подальше черной слюной и, казалось, стал старательно подыскивать слова для ответа.

На самом-то деле краснокожий дожевывал табак, словно янки англо-саксонского племени. Потом он спросил на ломаном английском:

– Мой брат знает Боб?

– Да.

– Боб, похититель лошадей, дурной ковбой... снимать скальп с индейцев?..

– К делу! – резко оборвал пришельца Жан. – Что с ним случилось, с Бобом, с нашим товарищем?

– Боб не есть друг детей Французская Канада... Боб есть предатель... Он продал шахтерам из кэмп секрет свой возвращение.

– Ты лжешь!

– Клянусь мой тотем⁴⁸, маленькая голубая черепаха из озера Мини-Вакан.

Пришелец произнес индейское название Чертова озера.

– Жак, – обратился Жан к среднему брату, – ну-ка приведи мне на лассо этого придурка... а ты, Франсуа, возьми стальной шомпол от своего винчестера и влети пару десятков раз по верхней части его скальпированных панталон.

– У этого неудачника вид Иуды... Когда мы его схватим и основательно выпорем, он нам скажет правду.

С молниеносной быстротой младшие братья выполнили указания старшего. Эти подростки, едва вышедшие из детского возраста, обладали прямо-таки невероятными силой и ловкостью. Индеец не успел и пошевелиться, как был уже опутан лассо. Безжалостный шпицрутен просвистел и опустился на его тело, оставив синеватый шрам.

– Боб – наш друг, негодник, и я обслужу тебя на совесть.

– Хо! Господи, помоги! – взмолился индеец, сразу сменив тон и поведение. – Не бейте меня, Фрэнсис... А ты, Джеймс, убери это проклятое лассо... Комедия окончена...

От изумления Франсуа выронил шомпол, а Жак – лассо, тогда как Жан смущенно пробормотал:

– Боб!.. Это же Боб!.. Этот чертов Боб!..

– Он так вырядился в индейца, что сам бы себя не узнал, если бы только мог взглянуть со стороны, – сказал Жак, развязывая мнимого краснокожего.

– Как мы о вас беспокоились, бедняжка Боб, – добавил Франсуа, крепко пожимая кобю руку.

– Э-эй!.. Не так сильно!.. У этого юного Геркулеса такое пожатие, что кровь выступает из-под ногтей.

– Мой храбрый товарищ, – вступил в разговор Жан, – я бы обнял вас от радости, но вы так перепачкались.

– Да!.. Да!.. Устройте мне праздник... Приласкайте меня как следует... А то вы так меня отделали.

Смеясь и пытаясь шутить, чтобы не выдать своей по-настоящему искренней растроганности, Боб не мог скрыть слезы, сверкнувшей жемчугом в уголке его глаза и скользнувшей по татуировке.

– Это глупо, – сказал он совершенно изменившимся голосом, – но эта симпатия, которую вы проявили ко мне, этот способ защиты меня...наконец, ваша вера в меня – всё это возвращает меня... в положительном смысле... к той точке, когда у меня еще была вода в глазах... Но вот уже лет пятнадцать, как я ее не пил! Честное слово! Никогда со мной не происходило ничего подобного. Какая прекрасная идея пришла мне в голову: достать свой маскарадный костюм и разыграть эту маленькую комедию!..

– Скажите же, наконец, откуда вы приехали?.. Что с вами случилось? Подумать только: вы отсутствовали три дня!

– Наконец-то, и это – самое главное.

– Но какой нелепый наряд!..

– Неужели мне действительно удалось преобразиться в краснокожего?

– До такой степени, что даже мы обманулись, мы, наполовину индейцы!

– А где же ваша лошадь?

⁴⁸ Тотем – культовый объект, которому поклонялись как родоначальнику представители примитивных религий и верований, в том числе североамериканские индейцы. Тотемом могли быть животное, растение или неодушевленный предмет.

– У меня ее украли! Предполагаю, что это сделал ее бывший хозяин, один из бдительных, повесивших меня. Впрочем, это неважно! Я найду другую. Я прибыл поздно, но весь напичканный новостями, как курьер почтовой службы.

– Давайте разнуздаем лошадей и вернемся домой. Там мы перекусим и побеседуем.

– Нет, оставьте лошадей в полной готовности, только привяжите их к барьеру... Никогда не знаешь, что может произойти.

– А теперь: говорите, Боб, мы вас слушаем.

– Итак, покинув вас, я направился в окрестности Хэлл-Гэпа, к своему товарищу, с которым во времена менее счастливые, чем нынешние, я носился по прериям. Человек он верный, но отпетый мошенник.

Я решил переодеться и стать полностью неузнаваемым. Мне пришла в голову мысль преобразиться в индейца. Это было легко для таких, как мы: для squamen, то есть белых мужчин, сожительствующих с индейскими женщинами, так что люди их племени признают нас своими. Таким образом, мы весьма основательно знаем язык и обычаи индейцев, включая их пляски и их таинства.

Ну вот. Я переоделся в сиу и, как говорят в театре, влез в шкуру своего персонажа. Богат я был на двадцать долларов, которые дал мне друг.

– А я, – прервал его Жан, – позволил вам уехать без единого «лиара»⁴⁹.

– ... Если вы будете прерывать нить моего рассказа, я не доберусь до конца. ... Я вошел в салун. Мое появление произвело сенсацию... Индейцев в Хэлл-Гэпе давно не видывали. Полковники, судьи, профессора, доктора – короче, все титулованные персонажи, наводняющие мою страну, окружили меня и заставили выпить с ними. Я охотно позволил себе утолить жажду и рассказывал, как настоящий дикарь, самые глупые истории, естественно, веселившие общество. Тем временем я заметил того ирландца, которому вы устроили хорошенькую трепку. Он пил в одиночестве, а такое здесь случается редко, и часто поглядывал на часы, висевшие над стойкой.

Вот так отвергнутый всеми, этот человек должен быть врагом. Так я подумал. Если это не так, то в мире исчезла злопамятность. Я достаточно был знаком с моим Падди⁵⁰, чтобы понять, что он столь же переполнен ядом, как целый выводок гремучих змей. Он пил мало, значит, берег силы... Он все время поглядывал на часы, значит, у него было назначено свидание.

– Невероятный вывод, Боб, великолепные рассуждения, – сказал Жан, оценивший, как истинный следопыт, эту тонкую ассоциацию идей.

– Пустяки, – отмахнулся Боб. – Увидев это, я жадно проглотил полдюжины стаканов виски. От такого количества загнулся бы любой менее закаленный выпивоха... Потом я порывисто выбежал... Словно мне внезапно стало плохо. Я исполнил четыре или пять скачков, обычных для пьяниц, и грохнулся на спину, скрестив руки и ноги, и захрапел, как медведь, до отвала наевшийся меда... Но глаз я не закрывал...

Через четверть часа мой ирландец вышел. Руку он держал в кармане, где обычно находится пистолет. Он поворачивал голову справа налево и слева направо. Короче, он боялся слежки. Я пошел за ним с той легкостью и той восхитительной гибкостью индейцев, с какой мы следуем за ними по тропе войны. Мы шли семь или восемь минут и пришли... Догадайтесь! Я дам вам за это сто тысяч... Да не трудитесь... Это бесполезно! Мы пришли к подножию телеграфного столба, высоту которого я недавно измерял с пеньковым галстуком на шее.

⁴⁹ Лиар – старинная французская мелкая медная монета; равнялась по стоимости примерно четверти су.

⁵⁰ Падди (Пэдди) – производное от ирландского имени Патрик.

Там уже кто-то был, возле этого проклятого бревна... Они говорили очень тихо... Я пополз, соблюдая массу предосторожностей!.. Я различил несколько слов... Кажется, ваше имя... Потом: «три брата»... «проклятый метис»... «кончать их»... «доллары»... «след»...

Я очень хотел услышать больше, но ближе нельзя было подойти ни на шаг, иначе мое присутствие было бы раскрыто. Впрочем, встреча была недолгой. Через десять минут сделка была заключена. Но что за сделка? Вот в чем загвоздка!

Сообщники расстались. Я бросил Падди и пошел за другим заговорщиком. С ирландцем-то были игрушки, а вот другой... Тот действительно «соображал в закоулках», как выражался мой друг парижанин Реми, позволивший скальпировать себя Черному Котлу.

Он раз десять оборачивался и бросался назад с револьвером в руках, готовясь подпасть мою мордашку. Короче, это был настоящий дикарь, если судить по недоверчивости, ловкости и остроте слуха. Однако мне удалось его перехитрить после двухчасовой погони! Он трижды обошел Хелл-Гэп и бродил по степи, изрытой шурфами диггеров⁵¹. Наконец он скрылся в доме, на вид очень приличном, одном из лучших в городе. Дом этот находится прямо за зданием суда. Уф!.. До рассвета было еще далеко, а я уже изнемогал. Я улегся спать по-простецки: перед евангелической церковью, в компании полудюжины совершенно пьяных парней, выбравших для летних ночлегов на открытом воздухе это спокойное местечко.

Если рассказывать вам, как мне удалось увидеть ту таинственную личность, приблизиться к ней, вслушаться в ее голос, узнать, как живет этот человек, что он делает, откуда приехал, чем он располагает, это было бы слишком долго.

Я потратил на это три полных дня, приближаясь к этому типу с терпением краснокожего, чувствуя себя неловко в своем наряде; тот, хоть и делал меня неузнаваемым, почти не подходил для расследований, объектом которых был этот джентльмен.

– Вы видели, Боб, что это за человек, которому я в мыслях уже дал имя, как и вы, братья, не так ли? – спросил Жан.

– Ему лет сорок пять, он хорошо сложен... громадина, как и вы, друзья, силен, как бизон, и ловок, как пантера. Лицо у него красивое, полное, бритое, кроме пучка волос на подбородке, получившего распространение среди моих соотечественников. Поросли этой месяц, на мой взгляд. Человек пытался придать себе облик янки.

– Бегающий взгляд, не так ли? И маленький шрам на левой щеке?

– Светло-серые глаза, бегающие, как вы говорите... Шрам есть, но он скрыт отпущенной бородкой.

– Сомнений больше нет. Это он! – в один голос вскрикнули братья.

– Вы забыли, друзья мои, главную примету. Человек этот – метис белого и индианки...

– И зовут его Туссен Лебёф?

– Здесь его зовут просто мистер Джонатан. Это, явно, прозвище, под которым скрывается его подлинная суть. Мистера Джонатана здесь хорошо знают. Мой друг сообщил мне о нем. Он утверждал, что мистер Джонатан – один из главарей контрабанды товарами, идущими широким потоком из Канады в Соединенные Штаты.

– Вот и раскрыта загадка его долгих отсутствий, об истинной причине которых догадывался наш отец. Свою торговлю он для видимости легитимизировал, купив себе второй дом в Буасвене...

– Это маленькая деревушка, расположенная в четырех или пяти милях от границы. Там кончается железная дорога Виннипег – Розенфельд-Маниту.

– Именно она.

⁵¹ Диггер (англ.) – здесь: золотоискатель.

– Наконец, мистер Джонатан богат, потому что он только что купил, как говорят, половину поисковых деелянок возле Дурного Потока. Они стоят свыше ста тысяч долларов, а через год цена может вырасти до миллиона.

– Ну, это мы еще посмотрим! – С этими словами трое братьев угрожающе сжали кулаки.

Глава 7

Разумеется, первым встречным нельзя было назвать мелкого торговца из Батоша, которого ничуть не останавливали любые преступления. Под личиной скромного торговца из франко-канадского поселения скрывался злодей крупного масштаба.

Хитрый, изворотливый, себе на уме, лишенный, само собой разумеется, малейших предрассудков, он сделал бы всё возможное, чтобы только сохранить видимость полнейшей почтенности, прикрывавшей вплоть до последнего момента существование крупного негодяя.

Как бы несоразмерны ни были его амбиции, как бы ненасытны ни были его аппетиты, он всегда умел, и без малейшего для себя ущерба, подчинять их ходу событий, почти никогда им не спровоцированных, таким образом, чтобы сохранить в жизни естественное поведение незаинтересованного человека.

У него было главное, если не сказать единственное, оружие: ожидание.

Он происходил от индейских и нижненормандских корней и соединил в себе характерные черты обеих рас – благоразумие, упорство, последовательность и расчетливость своих белых предков с лукавой дерзостью, неумолимой решимостью и жестокостью исполнения предков краснокожих.

Крайне добродушный по виду, весьма покладистый в делах, и в целом компанейский человек, он ради защиты своих интересов мог не задумываясь хладнокровно убить лучшего друга, уничтожить половину города или области при условии, что сам он не подвергнется никакому риску. Ну а в случае опасности нормандское недоверие непременно смягчало индейскую свирепость.

Лишенный морали, живший посреди людей честных до наивности, доверчивых до глупости, бескорыстных до самоотречения, он должен был наделать неисчислимое количество мошенничеств. В начале пути обманывать было очень легко, так как он находил жертвы в том славном населении, которое не познало еще грязи городской цивилизации. Кроткие овечки позволяли стричь свою шерсть, безобидные голубки отдавали свои перья.

Так вот, с самого начала он процветал и заметно округлился без ведома всех, даже близких, включая, возможно, и жену.

Он вошел, как это верно предположил Боб, в одно из тех сообществ контрабандистов, что так влиятельны и так хорошо организованны в Канаде, и нашел средство получать огромные прибыли. Его сотрудничество так ценили, что он даже стал одним из руководителей тех самых командитистов⁵², которые обзаводились акциями, шла ли речь о том, чтобы построить железную дорогу или открыть рудник, вместо того чтобы уклоняться от налогов или убивать налоговых инспекторов.

Под именем мистера Джонатана он стал капиталистом и подумывал о том, что приходит время действовать по-крупному. Не то чтобы мистер Джонатан пренебрегал малой прибылью, но его скромная фактория в Батоше отныне казалась ему жалкой, а главное – слишком далекой от Буасвена, главной квартиры американо-канадских контрабандистов.

⁵² Коммандитист – член коммерческой организации (товарищества по вере, или коммандитного товарищества), имеющей две категории членов. Полные товарищи ведут коммерческую деятельность и отвечают по обязательствам товарищества всем своим капиталом. Вкладчики-коммандитисты отвечают только своим вкладом, внесенным в развитие дела.

Кроме того, он чувствовал по едва осязаемым, очень смутным признакам, что его популярность скоро начнет падать, что было бы гораздо умнее покинуть родину, а потом и сменить обличье.

А тем временем внезапно вспыхнуло новое восстание метисов, уставших ждать справедливости и выдвигавших свои бесконечные требования.

При этом известии мистер Джонатан, находившийся на американской территории, пересек границу, сбросил облик янки, стал своим парнем Туссеном, Туссеном Л'бё и поспешил в ряды инсургентов.

Казалось вполне естественным, что Туссен стал одним из видных протестующих, самоотверженным патриотом, настоящим Буа-Брюле с хорошим цветом лица, а главными центрами восстания стали Букхум, Карлтон, Батлфорд и, конечно, Батош.

Патриот! Этот ярлык – увы! – столь же лжив, как и другие.

Зловещий авантюрист очень интересовался как метисами, так и оранжистскими эмигрантами... как правами одних, так и притязаниями других! Он взвешивал два противоположных элемента и размышлял: «А какая прибыль будет мне от этого?»

Генерал Мидлтон после начальной неудачи осадил, как мы знаем, Батош. И тут нашему Туссену неожиданно повезло; и представила этот случай стойкость его сограждан.

Вполне возможно, что в виду героизма метисов Батош выдержал бы осаду, потому что генерал не мог бы взять его без больших жертв.

Но Туссен знал, что англичане охотно решают стратегические проблемы с помощью долларов. Он припомнил недавнюю битву при Тель-эль-Кебире⁵³, где бедный Ораби потерпел поражение без достойного сопротивления вследствие крупной денежной суммы, предложенной генералом Вулзли, давнишним врагом метисов, с такой легкостью побеждавшим в Египте.

В одну темную ночь Туссен отправился к генералу Мидлтону и напрямик предложил ему содействовать за денежное вознаграждение взятию городка.

С понятным отвращением, какое может вызвать подобное предложение, генерал, экспедиционный корпус которого испытывал большие затруднения, согласился на гнусную сделку в сумме десять тысяч долларов.

Туссен, как известно, заложил мину под баррикаду, защищавшую Батош даже от пушек, и взорвал ее в удобный для генерала момент. Это стоило десять тысяч долларов.

Но это не всё. Батист, друг Туссена, доверил предателю ту же сумму в десять тысяч долларов, естественно, без расписки, с той неизменной честностью, какую внесли в свои действия Буа-Брюле, рабы данного слова.

Туссен, перед тем как убежать, убил своего друга, который был среди защитников баррикады и, вероятно, знал об его измене.

Батист заставил бы его дорого заплатить за измену, пусть этой мести пришлось бы ждать десять лет. Таким образом, Туссен одним ударом избавился от мешающего свидетеля и положил себе в карман еще десять тысяч долларов, которых теперь от него уже никто не потребует. В общем итоге Туссен получил двадцать тысяч долларов.

Вот каким образом мистер Джонатан, или Туссен Лебёф, если так хотите его называть, получил за несколько дней, благодаря восстанию Буа-Брюле, хорошенькую сумму в сто тысяч франков во французской валюте.

⁵³ Тель-эль-Кебир – город в Нижнем Египте, в окрестностях которого во время англо-египетской войны, 13 сентября 1882 г., произошло сражение между британскими войсками, которыми командовал генерал Гарнет Вулзли, и египетскими повстанцами, которыми руководил Ахмет Ораби-паша. Победа в сражении открыла британцам путь на Каир.

Он бежал из Батоша, ничего иного не требуя, бежал с тем большей легкостью, что у Буа-Брюле, теснимых генералом Мидлтоном, появились более важные дела, чем преследование Туссена.

Однако не у всех. Трое сыновей Батиста, отпущенные Луи Риэлем, который предчувствовал поражение восстания и не видел необходимости удерживать троих бойцов, искали след негодяя, и случилось невероятное: им, как мы видели, удалось его найти.

Таковы вкратце основные вехи жизни той опасной личности, что не придумана для развлечения, как могут подумать; она сыграла позорную роль в трагедии Батоша, прежде чем вмешаться в достоверные приключения, рассказ о которых впереди.

* * *

Получив сведения о темпераменте и характере мистера Джонатана, читатель без труда поймет, какова должна быть его недоверчивость в этом сильно перемешанном скопище людей, чрезмерно нервных и, как правило, лишенных предрассудков, населявших молодой город близ Чертова озера.

Его жилище, где находились служебные помещения одного из только что основанных, но уже успевших разбогатеть банков, напоминали настоящую крепость, готовую выдержать самый яростный приступ. Персонал был немногочисленным, но щедро оплачивался; по возможности, он состоял из предельно преданных людей, к тому же имеющих собственный интерес в деле – таков обычный метод предпринимателей, гарантирующий верность слуг.

Кроме того, мистер Джонатан был в курсе всех прибытий и отправлений, всех переустройств – одним словом, всего, что могло приключиться в таком центре, как Хелл-Гэп.

Короче говоря, у него была собственная полиция, как у человека, чье сознание никогда не дремлет, как у личности, заботящейся о своей безопасности.

Ему, конечно, сообщили о приезде трех братьев, и он привел в действие все рычаги, чтобы заставить их как можно скорее убраться из города, выжидая, пока появится возможность окончательно разделаться с ними. Мистеру Джонатану это удалось сделать без особого труда, распустив во множестве лживые слухи, весьма похожие на правду из-за связи юношей с Бобом, несмотря на всю их нелепость.

Но мистер Джонатан, зная упорство братьев, понимал, что подобное избавление – не больше чем передышка. Он интуитивно чувствовал присутствие братьев поблизости от города, осторожничал больше, чем обычно и поставил на ноги своих лучших ищеек.

О маневрах Боба ему тоже донесли, тем более, что прибытие мнимого индейца в Хелл-Гэп отметились небольшим происшествием. А Боб, выведывая про мистера Джонатана, должен был расспрашивать многих.

– Почему этот индеец так интересуется мной? – рассуждал Джонатан, чей постоянно бывший настороже мозг повсюду видел врагов.

Джонатан установил за ряженым слежку и убедился, что у таинственного краснокожего есть какая-то цель.

Кто бы это мог быть? Переодетый агент таможни? Или настоящий индеец, вступивший в тесный контакт с белыми и нанятый шпионить за контрабандистами?

В таком случае необходимо узнать, откуда он прибыл и где в случае крайней необходимости спрячется, а потом его надо поскорее ликвидировать.

Боб, несмотря на всю свою проницательность, не замечал слежки вплоть до своего возвращения к избушке после почти трехдневного отсутствия.

Между тем у его друга-ковбоя, у которого Боб скрывался, язык становился слишком длинным, когда он перебирал спиртного. С наилучшими намерениями, возможно, для того,

чтобы нахваливать Боба, он рассказал в салуне про его маскарад и презрительно отозвался о жителях Хелл-Гэпа.

Его сообщение пересказали мистеру Джонатану. Так тот узнал об отъезде ложного индейца в избушку у озера. И тут он с быстротой молнии прозрел истину: да это же Боб и юные метисы, его сообщники.

Можно понять, какие выводы может сделать из подобного прозрения такой человек, как мистер Джонатан.

Ну, а сейчас вернемся в избушку.

Остаток дня после возвращения Боба и следующая ночь прошли благополучно. Ковбой и его юные друзья придумали невероятное количество проектов, к несчастью мало практических, слишком поспешных, основанных не на использовании существующих обстоятельств, а на необходимости создания новых.

На следующее утро они недалеко продвинулись, так что, устав от бесполезной говорильни, люди действия, прежде всего смелые, как это пристало их возрасту, убежденные в своей правоте, чуть было не приняли отчаянное решение.

– К чему столько рассуждений? – подвел итог спорам Жан. – Гораздо проще вернуться в Хелл-Гэп переодетыми, подстеречь этого мерзавца или вызвать его под каким-либо предлогом и всадить кинжал прямо на улице.

И надо же было, чтобы сумасбродный мозг Боба, человека средней жестокости, услышал голос разума.

– Способ хорош, согласен, – оценил он, – но вы – иностранцы. Вы не найдете суда, который вас оправдает, если только бдительные не линчуют вас на месте.

– Но он – тоже иностранец!

– Спешу вас уверить: он – натурализованный американец.

– Значит, придется запастись терпением.

– Подождите пару деньков; я хочу снова отправиться в этот проклятый городишко, только вот освежу свою индейскую раскраску, несколько поистершуся со времени моего возвращения.

При этих словах Боб вынул из своей котомки различные ингредиенты, употребляющиеся для туалета краснокожего щеголя и начал добросовестно краситься.

Когда он вышел из избушки, чтобы его друзья могли оценить на расстоянии результат его стараний, то удивленно вскрикнул:

– О Господи!.. Что это значит?

– Что? Что такое?

– Визитёры!.. Вооруженные посетители!.. Такого я не люблю. Не показывайтесь, глядите в щели между бревнами.

Примитивное жилище отличалось не только закруглениями образующих стены бревен, но и наличием дыр в стенах, достаточным для того, чтобы просунуть в них ружейное дуло. Через эти дырки легко можно было осматривать окрестности.

В самом деле, появилось полсотни человек, а может быть, и больше; они приблизились, образовав обширный полукруг, радиусы которого упирались в избушку.

– Нас атакуют, – сказал Жан.

– Вероятно! – отозвался снаружи Боб.

– Но у нас у каждого по восемь зарядов в винчестере; всё вместе – тридцать два выстрела на четверых. Со стрелками нашего класса это не так уж плохо для разжиженных мозгов в траве.

– Вы забываете наши револьверы... А это двадцать четыре выстрела.

– Тридцать два плюс двадцать четыре... будет пятьдесят шесть.

– Считаете вы великолепно, дорогой мой, но револьверы... Э! Какого черта они так кричат?..

Издали доносились хриплые голоса, вопившие:

– Смерть им!.. Смерть Бобу!.. Смерть метисам!..

– И такие люди называют себя цивилизованными! – сказал Боб и презрительно пожал плечами.

– Но... черт меня побери! Они называют меня по имени... Значит, меня узнали, и мой маскарад... задымился!

– Смерть!.. Смерть!..

– Эти персонажи шутят однообразно, – невозмутимо продолжал ковбой.

– А если мы откроем огонь? – воскликнул Франсуа, нервно передергивая затвор своего винчестера.

– Терпение! Мы сидим в укрытии, а они-то действуют на открытом месте.

– Но они подошли уже на двести метров!..

– Это позволяет мне узнать их невооруженным глазом!.. Господи, помилуй! Если не ошибаюсь, там собрались все самые гадкие люди, каких можно найти в Хелл-Гэпе. Вон Остин Райан, кузнец... вон Стивен... потом Ник... потом Харри Филд... а еще Дик Фергюсон... шахтеры... подонки из числа старателей... И ковбои... Ну не стыд ли это для корпорации!.. Дик, мой друг... Лоренс, еще один друг... и Питер... и Маттью!.. И много других... Все возбуждены или, скорее, просто скотски напились! Ох, друзья мои! Что бы это было за дело, если бы мы смогли всех их перестрелять!

– Смотрите, Боб! – прервал ковбоя Франсуа. – Довольно болтовни... Они приближаются.

– При первом же выстреле они лягут в траву и до самой ночи останутся невидимками. Тогда, воспользовавшись темнотой, они попытаются пойти на штурм.

– Но мы же не позволим перебить себя, как цыплят!

– Послушайте меня... Честное слово... я кое-что придумал... Всё очень просто... Надо испробовать! Если не удастся... я сложу там свои кости... И когда я умру, вы будете выплывать, как вам придет в голову.

– Вы забываете, дорогой Боб, что мы солидарны...

– Фу! Если я рискну своей шкурой, чтобы попытаться спасти вас... пожертвовав всем, что у меня осталось!

– Но что же вы собираетесь сделать?

– Попытаюсь договориться с ними.

– С этими людьми, озверевшими от гнева и алкоголя?.. Послушайте только, что они кричат!

– Они громко горланят, надо отдать им должное. Только смотрите: они остановились. Видите ли, если бы там были одни старатели, я бы ни за что не поручился, но я насчитал в толпе десятка два ковбоев, которым подобная работка может, в сущности, дорого обойтись. Может быть, мне удастся уговорить их уйти или хотя бы быть нейтральными!

Тем временем стало очевидным, что толпа и в самом деле остановилась метрах в ста пятидесяти от бревенчатой избушки, в которой находились люди и лошади. В толпе нашлись говоруны, которые на манер героев Гомера, продолжали оскорблять невидимого неприятеля.

– По сути они уже успокоились и не очень-то понимают, что делать дальше. Позвольте же мне взяться за дело и дайте мне белый платок. В жизни у меня не было подобного предмета туалета. Или одежды?

Жан достал из своего саквояжа большой кусок белой материи, предназначавшейся на перевязочные нужды.

Боб сложил эту ткань, привязал ее к кончику карабина и смело вышел наружу, размахивая белым флагом, что во всех странах мира, у дикарей и цивилизованных людей, обозначает парламентария.

При неожиданном появлении Боба, выглядевшего очень карикатурно в своей индейской раскраске, крики как по волшебству прекратились.

Осаждающие сомкнули ряды и с любопытством ожидали дальнейших действий ковбоя. Только один подонок, либо бывший пьянее других, либо испытывавший особо сильную ненависть, прицелился в парламентария из ружья, но тот даже глазом не моргнул.

Боб! – послышался из избушки голос Жана. – Возвращайтесь!.. Этот мерзавец сейчас выстрелит.

– Да бросьте! Если он промахнется, я удержу других.

В тот же момент раздался сухой щелчок винчестера.

Боб смело вышел наружу, размахивая белым флагом

Глава 8

Вопреки всеобщему ожиданию, Боб, в которого целились со ста пятидесяти метров, остался стоять. Пуля чудом не задела его.

Однако из избушки, сразу же вслед за первым выстрелом раздался ответный. Мужчина, открывший огонь, выронил оружие, покачнулся и упал навзничь, широко раскинув руки и ноги в конвульсиях. Красное пятно появилось в основании носа, между бровей; маленький кусочек мозга залепил дырку. Мужчина был убит наповал.

В толпе осаждавших раздались крики удивления или ужаса, перемешивавшиеся с гневными угрозами. Некоторые из осаждавших благоразумно попадали на землю, другие, самые смелые, вскинули свои ружья и нацелились на Боба.

А тот, выказывая безумную храбрость, пожал плечами и закричал так громко, что его слышно было всем:

– Не делайте глупостей! Вы же видите, что я вышел на переговоры. Нужно быть глупее последнего дикаря, чтобы стрелять в меня. Я же никому не угрожаю... Впрочем, глупый поступок принес беду безумцу, дергавшемуся только что под ногами... Обещаю сделать то же с первым, кто решится снова взяться за оружие.

Привычка, или, скорее, заблуждение политических и финансово-административных, религиозных, общественных, экономических и прочих объединений, где предаются невероятным разговорным оргиям, сделала американцев удивительными болтунами и одновременно слушателями.

Можно увидеть, как по любому поводу и неважно в каком месте у людей просыпается желание поговорить; они останавливаются в баре, на площадке трамвая или прямо посреди улицы и начинают что-нибудь обсуждать. И удивительно, что они всегда находят благожелательных слушателей, какие бы капитальные глупости не исходили чаще всего от ораторов.

Короче, если есть привилегия – а можно бы сказать, и неоспоримое право для «зануд» всякого пола и любого масштаба – извергать из себя непрерывным потоком слова, то аудитория не привыкла освистывать говоруна, полиция не стала бы сажать его в тюрьму, а он, наоборот, всегда нашёл бы себе снисходительных и даже заинтересованных слушателей.

Так и вооруженная толпа, к которой обращался Боб, учуяв начало речи, застыла в неподвижности, как настоящие янки, для которых speech⁵⁴ становится хорошим предлогом, чтобы предаться ротозейству...

Зная свою публику, Боб не позволил ей охладеть и продолжал без перерыва:

– Прежде всего, скажите, чего вы хотите?

– Убить тебя, мерзавец! – ответил хриплый голос, принадлежавший человеку с атлетическим торсом, на который была посажена огромная взлохмаченная голова со зверским выражением лица.

– Смотри-ка!.. Да это ты, Остин Райан, кузнец по профессии. Кто ты такой? Шериф? Бдительный? Почему ты присвоил себе право вершить правосудие? Или у тебя есть претензии лично ко мне?.. Ты хочешь отомстить за обиду или за убытки?..

– Всё это пустая болтовня! Мы пришли сюда, чтобы линчевать тебя и проклятых метисов... За это нам поставили выпивку и дали деньги... А ты тянешь время, подлец... Не так ли, друзья?..

– Верно! – крикнули несколько старателей, самые возбужденные из ковбоев, в глубине души симпатизировавшие Бобу как своему коллеге.

– Мы – люди честные, – продолжал кузнец, – и честно отработаем эти деньги. Давайте же исполним приговор судьи Линча.

– Но для того чтобы исполнить приговор, нужно прежде созвать суд, а для этого нужен повод, то есть совершенное преступление.

– Ты вернулся в Хелл-Гэп после изгнания, – ответил кузнец, не желавший уступать.

– Разве я нанес тебе ущерб, появившись под смешной личиной, над которой мои друзья Питер и Мэттью хохотали во всю глотку, утоляя жажду в барах Хелл-Гэпа? Разве это преступление – испытывать жажду? Разве моя ошибка, что здесь нет салуна, а мне захотелось выпить? Но даже если я соглашусь признать себя виновным, то почему же ты кричишь:

⁵⁴ Спич, приветственная речь (англ.).

«Смерть проклятым метисам?..» Разве они возвращались в город, несмотря на несправедливое решение, запрещающее им это сделать?

– Слушайте! А ведь это справедливо, несмотря ни на что, – заметил один ковбой, – они же ведь ничего не сделали. Я не сторонник чрезмерного наказания этих парней... Прежде всего, есть некто, вздувший этого горлопана Падди...

– И у меня будет его скальп! – прервал ковбоя злобный голос из последних рядов. – Если бы он не прятался, как последний трус... сукин сын...

– Не трогайся с места, Фрэнсис, – повелительно приказал Боб, предупреждая появление своего юного друга. – Очень скоро вы получите удовлетворение, клянусь вам.

– Ну вот, видите! – орал ирландец с нарастающей яростью. – Разве не позорно отступить перед бреднями этого типа, гротескно вырядившегося в индейца, чтобы обмануть нас и попытаться заставить забыть наше обещание! – цинично добавил он.

– Верно!.. Верно!.. – закричали старатели и еще несколько парней, заразившихся дурным примером. – Кроме того, после того как Боб спалил салун Бена Максвелла и увидел солнце сквозь его владельца, хорошим парням негде стало развлекаться в Хелл-Гэпе.

– В конце концов, – вставил свое слово кузнец Остин Райан, – мы же должны чистить свой город от таких мерзавцев, мы представляем закон и порядок.

Нет никого безжалостнее и кровожаднее прохвостов, однажды случайно сыгравших роль честных людей и воображающих, что они спасли общество.

– Остин прав!.. Всё верно!.. Мы представляем здесь закон!.. Кончать с ними! – ревели со всех сторон голоса, «смазанные» виски.

– Хочу добавить только одно слово, – сказал Боб, понимая, что дела пошли плохо. – Здесь ни место, ни время обсуждать вопросы права. Вы хотите нас убить, не так ли? Ладно! Но хочу вам вдолбить в головы, что прежде чем взять эту избушку, больше половины ваших рухнет на траву с дыркой во лбу, как это случилось с одним из торопливых... Вот что я вам предлагаю...

– Хватит болтать! – грубо прервал его Остин Райан, казалось, питавший смертельную ненависть к Бобу.

– Ты тоже слишком торопишься, кузнец, – продолжал Боб.

– Что ты хочешь? – спросил ковбой. – Говори!

– Уже давно, очень давно, вы не видели дуэли... одного из тех восхитительных поединков, какие европейцы называли дуэлями по-американски. Хотите присутствовать на такой безжалостной схватке, которая станет чем-то вроде Божьего суда, который заменит отвратительную и жестокую бойню?

– Объяснись!

– Остин Райан хочет моей смерти: пусть он выйдет сразиться со мной один на один, лицом к лицу! Ирландец хочет снять скальп с моего юного друга Фрэнсиса. Пусть он попробует это сделать. Его братья тоже найдут среди вас достойных соперников. Если мы проиграем, тем лучше!.. То, что вы называете правосудием, совершится. Если же мы победим, я оговариваю для нас право беспрепятственного ухода. А теперь, джентльмен, скажите мне, не лучше ли порешить таким вот образом, раз и навсегда, распрю, которая может тянуться без конца и стоять жизни многим достойным парням?

Спросить у американцев, хотят ли они посмотреть, как brave парни убивают друг друга – это всё равно что бранить римлян времен упадка империи за их увлечение цирковыми играми.

Ковбои, все как один, приняли это предложение аплодисментами.

– Ура Бобу!.. Боб for ever⁵⁵!..

⁵⁵ Навсегда (англ.).

– Мы будем играть по-честному, не так ли? – спросил Боб, довольный такой развязкой, позволявшей ему и его юным друзьям сражаться на равных.

– Fair play!.. Fair play!.. Честная игра!.. Договорились.

– Дик, Питер, Лоренс, Маттью, даете ли вы мне от имени своих товарищей слово, что мои условия приняты?

– Клянемся, Боб! Мы проломим голову первому, кто попытается хоть немного сподличать. Ах, черт возьми! Ну и повеселимся же мы!.. Жалко, что выпить нечего.

При этих словах Боб сорвал белую тряпку со ствола карабина и сказал братьям, не сдвинувшимся с места за всё время разговора:

– Эй!.. Джонни, Джеймс, Фрэнсис, теперь можете выйти. А вы, джентльмены, подойдите и образуйте ринг вокруг дуэлянтов.

При этих словах трое молодых людей гордо вышли из лачуги и подошли, без бахвальства, но и без признаков слабости, к своему другу.

– Вы слышали мое предложение этому джентльмену?

– Слышали и согласны с ним.

– Начну я, не так ли?

– Как вы хотите, Боб.

В этот момент обе группы сблизились и быстро перемешались с некоторой долей грубоватого, но настоящего радушия, которое скоро сменится предсмертными криками, приводящими в оцепенение обитателя Старого Света.

Соперники даже обменялись рукопожатиями!

Кузнец, хотя и выглядевший браво, проявлял признаки беспокойства. Соперником его был Боб, шутливо прозванный сегодня «Несравненным ружьем».

После того как дела пошли хорошо, а для Боба «хорошо» означало заручиться уверенностью в том, что смертный бой с колоссом состоится, Кеннеди веселился, как полубог.

Он разгадал тревогу своего соперника и благородно предложил ему биться на ножах.

– Согласен! – сказал кузнец со вздохом облегчения.

– Да, еще одно. Мне пришла мысль: связать левые руки... Это старый обычай, исчезнувший, несмотря на свою живописность. Мне хотелось бы вернуться к нему.

Сразу же образовался круг зрителей с дуэлянтами и их свидетелями в середине. Остина Райана поддерживали двое старателей; на стороне Боба стояли, разумеется, Жак и Жан.

Шерстяным поясом, услужливо предоставленным помощником, Жан крепко привязал два кулака, и, пока кузнец освобождался от охватившей его тревоги, Боб шутил над ужасной мазней, обезобразившей его.

Боб хохотал до упаду и выглядел совершенно отвратительно.

Вообще между двумя противниками, удобно расположившимися друг напротив друга, с ножами за поясами, контраст был велик. Кузнец, шестифутовый гигант, обладал туловищем бизона, огромными конечностями с рельефной мускулатурой, перед которыми грустно смотрелись тонкие руки ковбоя, хотя и крепкие, как сталь. Ростом Боб не превышал пяти футов и одного дюйма⁵⁶ и с трудом достигал плеча мастодонта⁵⁷. Он был ловок, как кот, но если приставить двух соперников одного к другому, то все преимущества были на стороне кузнеца, и вся эта кошачья ловкость никуда не годилась.

– Вы готовы, джентльмен? – спросил один из старателей, секундант Остина.

– Да.

– Хорошо! Начали!

⁵⁶ 5 футов и 1 дюйм – около 155 см.

⁵⁷ Мастодонт – растительоядный представитель одноименного семейства из отряда хоботных. От мамонтов и слонов мастодонты отличались прежде всего строением зубов и некоторыми другими признаками. Мастодонты уступали слонам в размерах: крупный самец американского мастодонта достигал в холке трехметровой высоты.

Соперники выхватили ножи и попробовали броситься друг на друга. Но их левые руки, стянутые, одеревеневшие, невольно развели бойцов, и первый удар пришел в пустоту. Они начали снова и попытались достать тело врага беспорядочными атаками и отходами. Это вскоре привело к неожиданному результату. Их тела при каждом выпад сдвигались влево, вызывая кругообразное движение, одновременно комичное и грозное.

Они топтались на месте, один возле другого, совершая головокружительные повороты и нанося удары в пустоту.

Зрители были очень довольны и хохотали не переставая; конечно, заключались пари.

Несмотря на явное несоответствие сил, исход поединка оставался неясным.

Впрочем, ничего серьезного не должно было произойти, пока один из соперников не согнет руку. Тот же, кто пойдет на это, рискует получить первый удар.

Остин Райан, куда более сильный, всё время держал Боба за кончик вытянутой руки, а тот, сохраняя интервал, уже начал тяжело дышать – настолько колосс измотал его, заставляя изворачиваться и подавляя своим звериным напором.

Крупные капли пота струились по татуировке ковбоя, а кузнец почувствовав, что соперник устал, или, поверив в это, принялся осыпать его бранными словами, чем заранее портил победу, в которой уже уверился.

– Подожди-ка немножко, ублюдок, и я вырву твой язык. Да! Дышишь, как пес издыхающий... подожди-ка еще... эх!.. Повернись же!..

И мощным неотразимым рывком он, если можно так сказать, оторвал Боба от корней и заставил его топтаться по кругу в горизонтальной плоскости; так забавляется злой мальчишка, когда хватает за хвост кота и вертит животное вокруг себя.

Зрители затопали, заорали, перекрикивая один другого:

– Ура Остину!.. Остин for ever!..

– Эй, Боб!.. Держись!.. Хочешь, чтобы мы проиграли пари?.. Rascal⁵⁸!..

Еще несколько поворотов, и Боб, ошеломленный этим сумасшедшим кружением, сдастся на милость своему жестокому сопернику.

В невыразимой тревоге сжались сердца братьев; они чувствовали, как, несмотря на всё их мужество, основательно бледнеет у них темный цвет лица.

Внезапно ковбой вытянул свою левую руку, крепко привязанную к левой руке Райана. Последовал рывок, за ним – глухое ворчание, а потом – взрыв смеха, пронзительного и дрожащего, как визг пересмешника.

В тот же момент кружение прекратилось; зрители увидели, как Боб вывернулся и кубарем отлетел шагов на десять, задрав ноги выше головы, прямо к стопам озадаченных зрителей.

Его посчитали умершим, но эти парни, вскормленные мукой грубого помола, свиными шкварками и водкой, относятся к категории бравых людей.

Боб поднялся одним прыжком, размахивая своим окровавленным до рукояти ножом, потом, слегка покачиваясь, он тверже встал на ноги и подбежал к Остину.

Всё описанное продолжалось не более пяти секунд.

Колосс лежал, распростершись на земле. Он оставался неподвижен и не дышал – точь-в-точь пораженный молнией. Потом из груди его вырвался хриплый, сдавленный крик терзаемого животного... Он конвульсивно дернул своей левой рукой снизу вверх и сверху вниз. Это было расслабленное, неловкое и болезненное движение...

Но у руки больше не было кисти!.. Она заканчивалась свежим срезом на запястье, откуда спазмами выбивались длинные струи крови!

⁵⁸ Негодай, мошенник (англ.).

Толпа ахнула, умолкли крики и разговоры; людей охватило некое сложное чувство, исполненное сострадания, удовлетворения, досады и любопытства.

А над глухим ропотом толпы громко раздавался твердый голос Боба:

– Хэллоу!.. Кузнец, ты уже калека, но этого недостаточно... Только что, злоупотребляя своей силой, уверовав в свою победу, ты оскорблял меня... Я, в свою очередь, не стану благороднее тебя!

Каждый, у кого были затронуты глубины души, задавался вопросом, что же теперь сделает этот жестокий человек небольшого роста.

Боб заметил в траве скрученный в траве шерстяной пояс, связывавший два кулака. Он хладнокровно наклонился и подобрал какой-то предмет, запутавшийся в ткани.

Это была кисть Остина!.. Она была белой, с разомкнутыми пальцами, с первыми мрачными признаками мертвого тела.

Боб взял эту кисть, приблизился к калеке, который смотрел на приближающегося козля с каким-то звериным испугом и тяжело дышал, как тяжело раненный бизон.

– Ну, хватит стонать... Мы деремся до смерти... Слышишь? Ты можешь еще сражаться... ножом. Это будет недолго, если постараться. Ты ничего не говоришь?.. Ты трус!.. Я в этом не сомневался... Посмотрим, вернет ли тебе, мистер сильный человек, хоть чуточку бахвальства последнее оскорбление! Кажется, в мире джентльменов пощечину дают перчаткой... Я же отхлещу тебя твоей собственной кистью!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.